

Jean-Pierre Urgin Brustier

Варварство глубинных элит

полушарие Эпштейна

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Jean-Pierre Brustier

Варварство глубинных элит. Полушарие Эпштейна

<https://litres.ru/73948823>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его пытались похоронить. Он возвращается, чтобы свидетельствовать.

Окончив юридический факультет в Тулузе с первым местом в выпуске, он

поступает в Национальную школу магистратуры и становится судьёй по делам

несовершеннолетних.

Именно в этом качестве он открывает невообразимое: за стенами института,

призванного защищать самых слабых, процветают сети педофилов при активном

соучастии судебной иерархии. Ведомство социальной помощи детству,

предназначенное для опеки детей, оставшихся без семьи, превратилось в "фабрику

живого товара" для нотаблей и элит.

Этот неординарный судья приподнимает завесу над невыразимой

правдой западной глубинной власти: системы, где сексуальная компрометация стала

абсолютным оружием для удержания элит и принуждения народов к молчанию.

Разоблачения по делу Эпштейна сегодня лишь подтверждают то, что он обличал уже

тридцать лет назад. Это история человека, оставшегося в одиночестве

против всех, верного наследию предков, защищённого лишь силой своей совести.

Jean-Pierre URGIN Brustier

Варварство глубинных элит. Полушарие Эпштейна

Tapez pour saisir le texte

Tapez pour saisir le texte

За детство.

Спасибо Бутиной Марии Валерьевне.

ГЛОССАРИЙ

- Видимое Государство :

Совокупность видимых институтов страны – наднациональные органы, правительства, парламенты, администрации, судебная система – таких, какими они представлены в школьных учебниках и официальных речах. Их обитатели меняются, их структуры остаются.

- Инструменты Глубинного Государства :

Та часть государственного аппарата, которая ускользает от политической ротации. Высшие чиновники, несменяемые судьи, корпоративные органы – те, кто остаются на своих постах при любых правительствах и своей неизменностью влия-

ают на решения политиков. масонские и религиозные ложи . К ним следует добавить субсидируемые СМИ, обязательное школьное образование (и академии), а также индустрию развлечений (Голливуд, Netflix, фестивали и т.д.). Они оказывают влияние в интересах скрытой реальной власти.

- Глубинное Государство :

Конечный, скрытый, нигде не записанный уровень; за исключением новичков гипер-олигархов, которые известны сами по себе . Сети исторических семей, финансовых династий и гипер-олигархов. Лица, принимающие решения, также называемые «малым числом», которые не значатся ни в одной организационной структуре, но держат в руках реальные рычаги власти. Глубинные государства, или Глубинная власть, используют видимые институты, образующие Видимое Государство, в качестве инструментов управления населением.

- Глубина :

Это синоним Глубинного государства, обозначающий метафорическое место, где действует эта власть. Не географическая точка и не тайная организация в классическом смысле, а пространство негласных связей, компрометаций и невидимых лояльностей. Это «там», где принимаются настоящие решения между «Хозяевами», придерживающимися феодального видения мира. Они считают себя генетически превосходящими остальное человечество и не соблюдают никаких правил, навязанных огромному человеческому большинству. Их ценности – это ценности господства и, для

большинства из них, люциферрианские.

- Реальное :

То, что есть, независимо от того, что об этом говорят. Естественный порядок вещей, который ложь может на время замаскировать, но никогда не отменить. Реальное всегда в конце концов «возвращается» – то есть утверждает свою силу вопреки всем вымыслам.

- Униполярность :

Мировой порядок, в котором доминирует исключительно западная держава. Мир, где за всех решает меньшинство «Хозяев» внутри самого Запада.

- Многополярность :

Формирующийся мировой порядок, восстанавливающий суверенитет наций и отдельных людей. Этот порядок существовал до униполярного и является естественным порядком эволюции жизни на земле.

- Большое Число или большое количество : Те, кто не находится у власти.

- Малое Число или малое количество : Те, кто контролирует населения в глубинах.

Большинство : На Западе – извращенцы и фашисты. В остальном мире – суверенные народы на пути к многополярности

- Меньшинство : На Западе – сознательное население.

- DDASS (ASE) : Судья по делам несовершеннолетних забирает детей ,находящихся в опасности из их семей; чтобы

передать их администрации , которая обеспечивает их физическое содержание в учреждениях и приемных семьях , вместо их родных семей . Эта администрация называется DDASS (ASE) и имеет огромную власть над семьями. DDASS может даже забрать детей без решения судьи. И судебная иерархия разделяет те же порочные ценности что и DDASS: судебная иерархия и DDASS оказывают давление на судей по делам несовершеннолетних.

Варварство глубинных элит Полушарие Эпштейна

Предисловие

Эта книга — не расследование, не мемуары и не эссе. Она — всё это одновременно, потому что сама описываемая реальность отказывается подчиняться категориям. Это прямое свидетельство французского магистрата, взгляд изнутри на определяющую роль наших собственных институтов в международных педофильских сетях. Это рассказ о погружении в самое сердце системы и размышление об обществе, которое делает её возможной.

Как пробиться к истинной природе этих организаций, когда всё делается для того, чтобы заглушить правду? Страте-

гии сокрытия столь многочисленны, что они представляют собой самую настоящую войну против реальности. Война, которая под внешней благовоспитанностью позволяет процветать этому ****варварству****.

Можно проводить расследования, располагая теми жалкими средствами, что зачастую выделяются. Можно выслушивать раскаявшихся, если они выживают достаточно долго, чтобы говорить, и если их удостоивают слушать. Можно также обратить внимание на тех, кто, находясь внутри самих институтов, призванных бороться с этим бичом, пытается ему сопротивляться. Нужно лишь, чтобы им удалось избежать двух предыдущих ловушек. Ибо власть, питающаяся тенью, превыше всего боится того, кто внутри неё стремится пролить свет. Отсутствие личной заинтересованности, знание внутренних механизмов и способность принимать решения делают эту «песчинку» в механизме грозным препятствием. Когда Эдвард Сноуден из ЦРУ, Джо Кент, директор Национального центра по борьбе с терроризмом в США, или я сам — все мы, занимая ответственные посты в государстве, официально высказываем правду, противоречащую иерархической лжи, официальные лжецы уже не могут присвоить себе общественное мнение иначе, как через свою медийную машину. Этих механизмов, чья ложь не живёт дольше нескольких недель, прежде чем её опровергнут накапливающиеся факты, которые в итоге начинают напрямую влиять на жизнь каждого. Механизмов, которым сегодня сильно

дышат в спину независимые интернет-журналисты. Так что ярлык «теоретика заговора» сегодня загорается на лбах элит.

Однако следует понимать, что каждое незначительное индивидуальное продвижение в поиске истины, которое режим, к тому же, выставляет как доказательство общей исправности институтов, очень дорого обходится каждой «песчинке», рискнувшей проявить инициативу. Чтобы затем быть неумолимо подавленным элитарным арсеналом. Силы правды противостоят силам лжи, и мы начинаем понимать, что по ту сторону, возможно, добро противостоит злу.

В этом повествовании будет упомянуто множество личностей. Одни известные, другие — нет. Пусть читателя это не смущает: важна их функция в нашем обществе — она будет систематически уточняться — куда больше, чем их личность. Равно как и хронологические отступления от линейности, которую навязало бы классическое расследование, служат здесь раскрытию зловещей системы, умеющей играть на нашей доверчивости. Таково моё намерение: обнажить целое, раскрыть его природу, чтобы укрепить нашу способность освободиться от него.

Многие смелые авторы проводили расследования, вели журналистские поиски, разоблачали. Однако машина не сбавила оборотов. Доказательство: её хозяева не боятся ни голоса жертв, ни работы следователей. Так сменим же подход. Перестанем расследовать: проведём вскрытие. Поймём механику, чтобы выйти из неё. И, возможно, увидим, что нас

ждёт впереди.

В социальных сетях, захлестнутых потоком информации и ложных сигналов, зажигаемых теми, кого я назову «хищниками из тени», в конце концов видишь лишь неразличимый туман. Термин «педофильские сети» становится общим местом, а торговля детьми тонет в фоновом шуме, который скорее оглушает, чем проясняет. Поэтому крайне важно внести ясность. Сеть — это не просто «содружество извращенцев», прикрывающих друг друга. Педофильская сеть — это цепочка сообщничества, простирающаяся от десоциализированной семьи до элитарной семьи, от локального до международного уровня, использующая как мелкую уголовщину, так и государственные механизмы, извратившие своё предназначение. Она не может функционировать без вовлечения социальной иерархии и государственных властей. Таким образом, её определяют три критерия: она касается всех социальных слоёв, она выходит за национальные границы и она проистекает из извращения государственных и медийных институтов.

Каков же конкретно путь этих сетей, с которыми я боролся? Он пугающе прост. Первый этап: выявление и взятие на учёт детей, находящихся в опасности, Службой социальной помощи детству (ASE). Второй этап: обращение в суд для получения постановления о помещении этих детей, наиболее изолированных, в учреждения. Третий этап: их эксплуатация, их использование в педофильских целях. Не только

несколькими извращёнными воспитателями, но прежде всего местными нотаблями и национальными и международными элитами. Остерегайтесь дерева, за которым не видно леса: недостойный воспитатель, отданный на растерзание медийному возмущению, служит успокоению публики и маскировке скоординированной деятельности сетей.

Мы увидим, что ситуации, свидетелем которых я был, проливают яркий свет на этот механизм.

Тем, кто откроет эту книгу, я предлагаю заглянуть под ковёр. Это молитва того, кому судьба доверила защиту детей, потерявшихся в тумане, с ответственностью установить истину, чтобы их спасти. Именно истина спасает. Я не стремлюсь ни нравиться, ни не нравиться, ни даже убеждать. Каждый сегодня и так чувствует мощь окружающей лжи. Достаточно приоткрыть дверь, чтобы свет осветил чудовищ с лицами честных людей. Достаточно изложить факты. Тогда, постепенно, человеческое сознание сделает остальное.

Описание подпольной, эзотерической системы может создать впечатление, что я впадаю в вымысел. Факты настолько сбивают с толку. Однако я всего лишь рассказываю о мучительном опыте, который, я уверен, подтвердит растущие сомнения. Это описание адского мира, но с прожектором, направленным на выход. Ибо, к счастью, похоже, вырисовывается нить Ариадны, на этот раз медийная. Проблеск света, чтобы развеять тот горький привкус, который напоминает нам, что в этой борьбе мы всегда были на шаг позади.

Верить, что такая система держится лишь на продажности и жажде наживы — значит страусиничать. Деньги — лишь смазка в механизме. За всем этим стоит мировоззрение, определённое представление о жизни. Эти сети возможны только через всё общественное тело. Это общество внутри общества, навязывающее свои собственные ценности и формирующее экосистему, разлагающую всё, что мы считаем законным. Управляется оно властью с двойной структурой, чья вертикальная глубина простирается на большинство органов власти, а горизонталь — на бесчисленные границы. Общество то тайное, то незаметное, затаившееся в глубинах официального социума. С одной стороны — те, кто отдает приказы, которые нужно исполнять, с многовековыми корнями; с другой — те, кто исполняет приказы, официальные, но временные. Это инфраструктура общества, навязывающая свою надстройку.

Вспомним, к примеру, что один лишь частный инвестиционный фонд BlackRock весит как третий бюджет в мире, уступая лишь таким государствам, как Китай и США. Vanguard, другой гигант, — седьмой. Это означает, что реальная структура власти находится не на обложке Forbes. Богатство одного человека — это ещё не власть. Власть — в руках группы, системы.

Если мы хотим выйти из этого тупика, мы должны порвать с этим порочным культурным путём. Молчание не нейтрально, это форма соучастия. В этой борьбе ты либо на правиль-

ной стороне, либо на неправильной. Серой зоны не существует. То, о чем здесь идет речь является фундаментальным, относится к универсальной этике, а значит, неизбежно, и к духовной сфере. Открывается историческое окно. Подобно тому, как нацизм совершил ошибку, открыто провозгласив свою бесчеловечную иерархию, педофильские сети сегодня совершают ошибку, провозглашая присвоение невинности наших детей. Эта ошибка даёт нам возможность снова взять свою судьбу в свои руки. Она даёт нам шанс направить наш праведный гнев в нужное русло. Мы живём в эпоху, когда международные события говорят громче, чем разоблачители, — мировые события, которые вскоре своими переменами превзойдут все предупреждения. Пришло время сказать «глубинным государствам», что мы больше не согласны просто выживать. Что века растраты общего блага для утоления их похотливого аппетита достигли окончания срока годности. Мы хотим счастья для наших детей и знаем, что это будет возможно только с концом этих архаичных привилегий, обещанным ещё в 1789 году. Vale Caesar, те, кто хочет жить, не приветствуют тебя!

Предварительное замечание: В эпоху, когда самоубийство часто преподносится как удел разоблачителей, я считаю необходимым уточнить, что не испытываю никаких саморазрушительных порывов и, без ложной скромности, обладаю отличным здоровьем. Смертельные угрозы, которые

мне высказывала моя собственная судебная иерархия (о чём мы ещё поговорим), оправдывают эту предосторожность. Не является признаком здоровья режима, когда он навязывает подобную профилактику критическому мышлению. В этой книге мы часто будем говорить о мужестве. Следует помнить, что в 1574 году, когда Этьен де Ла Боэси в своём «Рассуждении о добровольном рабстве» писал: «Тираны велики лишь потому, что мы стоим на коленях», ему было 17 лет. Это должно иметь смысл для нас, взрослых. Это имеет смысл для меня, выросшего, перелистывая доставшуюся от деда печальную энциклопедию изуродованных лиц Вердена.

Цепочка выборов в замкнутом лабиринте.

Преодолеть завесу.

Что делать, когда тебе восемнадцать и внутренняя очевидность навязывает тебе художественное предназначение? Но ты вырос в заброшенном пригороде, в деклассированной семье, в стране каст?

Я чувствую, что вопрос нужно поставить иначе.

Играть в футбол с друзьями или попытаться совершить социальное восхождение?

Так лучше; поскольку ответ уже заключён в самом вопросе.

Я в переполненной студентами аудитории на юридическом факультете в Тулузе, Франция, и мы ждём результатов первого курса. Товарищи из средней школы для бедных далеко; исчезли в водовороте жизни. Погода хорошая, солн-

це создаёт грозное ощущение ничегонеделания. Начинается лето; без меня. Я не заметил, как прошла весна. Мне кажется, я провалил устный по всем предметам, и я жду приговора. Поведение преподавателей предвещало худшее. Однако я пахал! Видимо, право — не моё... Думаю о нашей матери, которая отдала лучшие годы жизни, чтобы воспитать нас с достоинством, несмотря на нищету. В социальном плане — ни намёка на план Б. Второй год обучения — конец стипендии, конец работы помощником преподавателя в школе. Возвращение к ничему. Что я буду делать в сентябре и потом? Один из профессоров выходит из совещательной комнаты, нахмутив брови и выпятив подбородок. Дав стихнуть барабанной дробью в головах, он объявляет список принятых, в порядке убывания баллов. «Первый, господин С.!». Библиотечная крыса, как сказал бы Питер Паркер; неудивительно. «Второй, господин Ю!». Неверящие глаза обращаются ко мне. Похоже, кто-то наверху за мной присматривает...

Я в 13-м округе Парижа и жду у телефона подтверждения из канцелярии министерства юстиции. Служащая берёт трубку: «Могу вас заверить, ваша фамилия есть в списке отобранных кандидатов». Судья! Третий по престижу национальный конкурс после ЭНА и Политехнической школы, как мне сказали. Девять лет учёбы. Прокурор Кайенны хорошо сделал, что заставил меня заполнить заявку.

Я в Бордо в чёрной мантии с атласными отворотами, окружённый другими суровыми мантиями. Мы смиренно слуша-

ем, в позе кающихся Магдалин, первого председателя Апелляционного суда Бордо, который произносит речь по случаю нашего введения в должность, перемежая её могильными вибрато. Время от времени он делает паузу, чтобы прислушаться к эху собственных слов, разносящемуся под массивными сводами балок. Проповедь Папы в соборе Святого Петра проходит более расслабленно. Его Святейшество объясняет нам, почему он запрещает своим детям обращаться к нему на «Ты» Потому что нельзя сказать отцу: Иди ты...! Я понимаю, почему, когда их выпускают на волю, каждый раз, как они пытаются улыбнуться, их отпрыски создают впечатление, что вот-вот укусят. Как на юрфаке, обстановка враждебна. Меня окружают маменькины и папенькины сынки. Сын президента Розьера, сеньор де Шамфё, учится на нашем курсе. Он тут же пришлёт мне за спиной ярлык сутенёра, в ужасе от моих белых туфель... Он может себе это позволить, его папа — директор Международного валютного фонда. На самом деле, они — слабые звенья в своих семейных цепочках. Когда у богатеев получается чего-то добиться, то это не в праве; скорее в совете директоров САС 40. Они тем более агрессивны и самонадеянны, что дома, на вершине альфа-иерархии, слынут слабыми звеньями, уже немного разочаровав своих родителей. Им есть что доказывать своему кругу, и они будут хорошими маленькими солдатами, чтобы восстановить уважение папы-маршала. Под блаженными горностаевыми мантиями, кстати, чувствуется,

что они сдерживаются, чтобы не аплодировать после каждой папской слюны. Нас, среди более чем двухсот, из двух чернокожих, один метис. Здесь, я первый из рода безродных, посреди голубой крови. Но, тсс! Я упустил самое главное... Нам обещают кровь и пот. Я думал, мы — в послушниках и верил, что мы в Риме; на самом деле, это Черчилль, и мы на войне в Лондоне. Я обещаю себе не забывать, зачем я здесь, в этом странном мире. Не больше десяти лет за линией фронта, и я наконец смогу вернуться к своей жизни; к живописи. Я ищу взгляд матери, далеко позади, в тени большого зала. Нахожу его. Любовь и гордость. Миссия выполнена.

Фабрика свежего мяса.

Детство, обречённое судами.

Я в своём кабинете судьи по делам несовершеннолетних в Дьеппе. Входят три светловолосые головки. Взгляд отсутствующий. Маленькие голубые окошки смотрят на меня безучастно. Отец более или менее неизвестен, мать-алкоголичка более или менее беременна от очередного дядьки. DDASS (Департамент социальных и санитарных действий; социальные службы, так сказать) ждёт в коридоре, чтобы ей передали детей. И чтобы я их забыл. Мой предшественник предупредила меня, прежде чем передать ключи от кабинета и уйти доживать свой век под монашеским правилом (!). Станный персонаж. «Да, я знаю, есть закон. Но увидишь, здесь очень часто забирают детей из семей...». Фальшиво-отстранённый

тон. В этой женщине чувствуется психологическое напряжение. Она старается его скрыть.

Старший выглядит насупившимся, младший держится за руку. Средний смотрит на меня, словно я его папа. В деле администрации не удалось скрыть, что малыша «трогали» (почему они не говорят: «подвергся сексуальному насилию»?) в месте его пребывания, чиновником-воспитателем-специалистом. Специалистом... по развращению несовершеннолетних? Опыт покажет мне, что да. Не повезло, старшего уже «трогал» какой-то дядька. Именно он сейчас на меня уставился. Он говорит мне глазами: «Чего тебе от меня надо, тебе и твоему дерьмовому миру?!». Мы разговариваем. Долго. Разговор заканчивается, малыш бросается мне на шею и не хочет отпускать.

Я бесконечно переживаю одни и те же сцены. Посмотрим, сколько раз это повторится? У меня 1200 дел, примерно вдвое больше среднего по стране, умножить на 3 года? Тысячи раз. Я методично применяю изматывающую тактику. Никогда не нужно вникать в психологию грязных людей без длинной ложки: грязь пачкает того, кто к ней прикасается. За столом правосудия необходимо с холодностью энтомолога понимать, как они работают. Чтобы опередить их и не дать им создать новые жертвы. Нельзя отставать в войне, ограничиваясь констатацией их текущих действий. Нужно изучать факты через их личную историю, а не через предвзятые идеи, чтобы предотвращать, а не только пытаться исцелить. Имен-

но их прошлая структура их программирует. Нужно не дать нынешним жертвам стать будущими авторами извращений. Прервать порочную цепь. Нужно также выявлять извращенцев, переодетых в белых рыцарей образования и защиты детства. Как говорил один классик: «Грандиозная программа!» Особенно когда судебная иерархия систематически обезоруживает правосудие.

Вокруг меня институты институционализируют. Скептический взгляд и губы «попкой». «Не смотрите слишком пристально, господин судья, а то может уколоть». Председатель суда добавляет: «Вы молоды, подумайте о карьере...».

Карьера — это не совсем моё... Тем более, если это для того, чтобы кормить педофилов на моём судебском уровне, я знаю, что меня ждёт на самой вершине Институтции...

По вечерам после закрытия, социальные работники тайком собираются в моём кабинете, чтобы объяснить мне судебную причастность: «Если вы ничего не сделаете, торговля детьми будет продолжаться, как прежде...».

Через два месяца присутствия администрация делает ставку на свою инерцию и мою покладистость. Я переворачиваю стол.

Вокруг меня понимают, что новенький меняет правила. Окружающие прикрываются медовыми масками.

Следуя совету старого профессора Национальной школы магистратуры, у которого я прошу совета, я приглашаю своего председателя суда на собрание, организованное Службой

социальной помощи детству (ASE), в присутствии её большого начальника. С наивным намерением использовать её доминирующую судебную функцию, чтобы напомнить администрации, которой я доверяю детей, о необходимости регулярных отчётов. Я попадаю в ловушку. Она пользуется случаем, чтобы возразить мне и встать на сторону административного беззакония. Вернувшись в суд, она заходит ко мне в кабинет, отчасти виноватая, отчасти властная, ища моё стадное одобрение. Я сразу же объясняю ей, что она просто отбросила на полгода назад мою упорную работу по восстановлению на местном уровне защиты детства. В то время как судебная власть должна проверять моральную добросовестность воспитательных работников ASE в целом, и особенно когда судебная власть доверяет им детей, находящихся в опасности. Наши отношения переходят от холодных к ледяным. Она заваливает меня дополнительными заданиями.

Неважно, я перешёл реку вброд и набираю скорость. Закон служит мне карандашом, которым я провожу новые линии. Обеспечение безопасности детей, воспитательная помощь уязвимым семьям, требование отчётов о ходе работы, внезапные проверки в местах пребывания. Нужно показать семьям, что мы — фактор улучшения их положения. Мы все работаем как рабы. За несколько месяцев большая часть детей возвращается в свои воскресшие семьи. Они ускользают от DDASS. Непростительно. Она впадает в истерику. С прокуратурой в качестве наблюдательной вышки. Проку-

пор Республики, председатель Трибунала большого процесса, первый председатель Апелляционного суда — которая входила в жюри моего вступительного экзамена в магистратуру —, Синдикат магистратуры сменяют друг друга. Сначала обещают, потом угрожают. Адский хор, где они поют одну и ту же песню: «Продолжай передавать детей администрации. А потом смотри в другую сторону»...

Я подписываю себе профессиональный смертный приговор, объясняя на самом высоком уровне, который и так уже знает, что суд используется для сексуальной торговли детьми без семей. Что не рассчитывают на моё участие в этом дерьме. Однако небольшая помощь, чтобы положить этому конец, была бы кстати.

Большое разочарование в Социалистической партии, которая делала ставку на парня из пригородов для ведения энтризма, рассчитывая на возврат инвестиций. Вместо этого последовал обратный удар тому, кто плюёт в тарелку. Меню меняется. Суп с гримасой подают быстро. На месте социалисты объединяются с фашистами, плюют на закон и выгоняют меня!

Жандармы находят расистские надписи на моей машине. Вокруг мундиров, много политического давления; внутри мундиров, много честности. Я это знаю. Мы из одного места. «Никаких чёрных судей» и свастика нацарапаны на кузове. Не очень изобретательно. Напоминает мне университет в Тулузе.

Я говорю по телефону со своим другом из Ле-Мана, следователем Тьерри Жан-Пьером. Он наткнулся на целую семью социалистических жуликов и разогревает гильотину. Поскольку он тоже в Синдикате магистратуры, который полон шипов, а не лепестков, на нём ярлык предателя, и его це-на кусается. Он говорит мне: «Жан-Пьер, они гнилые, в конце концов они меня достанут... Как они с тобой?». Так же.

— Если ты донесёшь о педофилии в СМИ, они тебя убьют. Как и меня, сначала они вываляют тебя в грязи, а в итоге ничего не изменится.

— Знаю. Это система, где элиты все сообщники, начиная с судебного руководства.

— В одиночку против этой гнилой системы напрямую ничего не поделаешь... не говоря уже о том, что эти ублюдки нападут на твою семью: будь осторожен, чем меньше твои близкие знают, тем они в большей безопасности...

— Ясно, это единственный способ действовать эффективно. Я ничего не скажу СМИ, которые, кстати, и так всё знают. Но я продолжу перекрывать поставки этим мерзавцам. С тех пор как я здесь, я отказываюсь питать их сеть. Результат: они Воют благим матом!

— Они прислали к тебе служебную инспекцию?

— Да, я дал им ключи. Они обшарили весь мой кабинет. Ушли с пустыми руками.

— Ага, понял. Они устроили тебе полную проверку. Кажется, Фредерик [Нгуен] знает того, кого они к тебе присла-

ли.

Он говорит мне об острове Реюньон, по которому скучает. Я отвечаю: «Это точно. Для меня тоже Гвиана и Тулуз были лучше...». Мы заливаемся смехом. Похоже на двух котят под дождём.

Они тянут время, но в итоге действительно его достают. Пока он бросает последние силы на левом фронте, рак пользуется случаем, чтобы заявиться справа. Его хоронят 25 июля 2005 года на кладбище Пер-Лашез, после «долгой и изнурительной болезни»; чьё происхождение мне известно. Сражённый в самое сердце своими бывшими товарищами по борьбе. 49 лет. Прощай, друг. До скорого.

Я в сетях. Крысы вокруг меня точат свои маленькие острые зубки. Исчезли товарищи по социальной заслуге. Товарищество разрушителей стеклянного потолка сменяется братством закрытых дверей. Предательство. Одиночество. Я это знаю.

Прокуратура присылает мне рецидивистов, чтобы устроить скандал на моих заседаниях. Я один со своей секретаршей, которая даёт мне понять, что она сыта этим по горло. По телефону целый ряд угроз. Они меня достанут, блядь! Я дорого продам свою шкуру!

Однажды утром я прихожу в кабинет в режиме воина. Там нахожу посланца мэра Дьеппа. Кристиана Кювилье, коммуниста старой закалки (сторонника Марше). Смелый человек, который знает мою борьбу. На следующий день полго-

рода выходит на улицы рабочего порта за нами. Вокруг меня взгляды сияют братством. Муниципальный совет и ветераны на моей стороне. Глаза щиплет. Они что, хотят меня довести до слёз? Нет, Жан-Пьер, они пытаются тебя спасти.

Ангел рядом.

Я пишу открытое письмо в известной национальной газете Миттерану. Он отвечает мне с присущим ему флорентийским цинизмом. Ему нужно «уважать принцип разделения властей», и поэтому... он ничего не сделает. Понять это можно так: «Я вытащил тебя из твоей дыры, неблагодарный, и я отправлю тебя обратно в твою дыру пинками под зад». Чего ещё ждать от этого блуждающего мифа, чей несменяемый министр культуры только что доверил журналу *Gau Pied* : «Детская сексуальность — это всё ещё запретный континент. Исследователям XXI века предстоит подойти к его берегам»?

Я получаю одобрительные письма отовсюду. Приходит петиция, подписанная воспитателями и медийными личностями. Жан-Мишель, мой друг-воспитатель, выкладывается без остатка. Его солидарность непоколебима. Он норманд, но говорит мне с улыбкой: «Это говорит моя индейская кровь!». Монсеньор Гайо, Епископ Эвре, принимает меня в тот же день, с простотой и радушием. Сама доброта, этот человек... Я спрашиваю его: «Не слишком ли далеко я зашёл?» Он отвечает: «Жан-Пьер, вы следовали своей совести. Во Франции нужно больше таких судей, как вы...». Президент

Университета Нантер, актриса Кароль Буке (Carole Bouquet) встают на мою защиту. Коллегия адвокатов Бас-Тера в Гваделупе делает всё возможное. Эти неизвестные друзья выкладываются по полной; и заставляют меня забыть тех, кто ссыт в штаны.

Я на краю реки Ски, которая мирно течёт под красивым хрустальным звуком пологого водопада. Брод совсем близко.

Вокруг нас всё зелено и пахнет успокаивающим запахом коров. Импрессионистская неподвижность. Я учу своего 3-летнего сына делать кораблик из листа каштана и палочек. Ангел остаётся.

Нужно выбирать между тщетным поражением и поражением с достоинством.

Я в логове Жака Вержеса. Бакалавр в 16 лет, участник Сопротивления нацистским оккупантам в 17 лет. Адвокат Марлона Брандо. Один из первых белых актёров, прошедших 28 августа 1963 года в Вашингтоне вместе с Гарри Белафонте, Сидни Пуатье и чернокожими интеллектуалами в марше за Гражданские Права. Повсюду шахматные доски. Он знает, что у меня ни гроша. Между двумя затяжками гаваны, он пытается расслабить меня историями из будуаров. «Я встретил такого-то в таком-то модном ресторане. Он был немного напряжён. Он только что узнал, что я увёл его жену в отель. Смеётся. Каждый раз, когда у меня есть возможность подцепить социалиста, я никогда не упускаю случая. Смеётся. Мне кажется, их жёны только этого и ждут. Смеётся». Он говорит

мне: «... мой отец был врачом. Он лечил большинство своих пациентов на Реюньоне бесплатно. Я стал адвокатом не для того, чтобы разбогатеть. То, что вы сделали, — редкость. Мы будем бороться вместе!». В знак дружбы я привожу ему из Дакара шахматную доску в египетском стиле.

Я думаю что все напрасно . Я должен уехать. Что станет с этими маленькими клетками? «Да ладно, всё кончено. Проснись!»

Я просыпаюсь. Я в Нью-Йорке за микрофоном.

За другим микрофоном в Чикаго, затем в Вашингтоне. Передо мной — аудитории журналистов, адвокатов, судей, профессоров права, политиков, студентов. Леннокс Хайндс... адвокат по гражданским правам из Нью-Йорка. Американский народ не испытывает симпатии к кастовым обществам. Люди хотят понять, почему западное правительство так открыто нападает на идеалиста. К тому же, первого судью из «трудного пригорода». Это не очень умно в эпоху, когда пытаются убедить, что левые работают на народ.

Я встречаю... Анджелу Дэвис. Я протягиваю ей руку, она обнимает меня и нежно держит. Несколько мгновений абсолютной ценности, украденных у насилия, которое нас окружает. Ангел пролетает. Что-то касается моего разума, словно божья коровка садится на руку перед тем, как улететь. Поцелуй матери на ободранное колено; «всё... кончено...». Новое и неожиданное ощущение, что вздох из-за пределов человеческого обращён ко мне: «Ты сделал всё, что мог. И да-

же чуть больше». Восприятие... метафизическое облегчение. Но всё тот же горький привкус во рту. Ад снова обрушится на детей без семей.

Деньги, которые миллиардами кормят наши дегенеративные элиты, поступают из заблокированных экономик, стран, превращённых в наркотические склады, превращающих слабых в отсутствующих граждан, если не в зомби, стран, где военная коррупция насаждает кровавые бойни, пожирающие целые национальные поколения, и из гиперфинансов, виртуализирующих человеческую ценность. Затем они питают все те люциферианские извращения, которые мы здесь и везде терпим. Мизопедия — лишь их часть. Фармацевтические группы убивают больше, чем военные. Торговля людьми питает гегемонию извращенцев. Они работают на энергии страдания.

НПО Transparency International (глобальная неправительственная организация, основанная в 1993 году в Берлине для борьбы с коррупцией по всему миру) предупреждает о тревожном и беспрецедентном ухудшении ситуации во Франции. Вся страна «падает в рейтинге по борьбе с коррупцией». Франция сталкивается с множеством конфликтов интересов и коррупционных скандалов в условиях институционального кризиса. С 2017 года двадцать шесть министров были вовлечены в политико-судебные дела, без применения принципа отставки министра, находящегося под следствием. Подкуп институциональных иерархий, поддержива-

емый субсидируемыми СМИ, которые массово раздают снотворное, гарантирует этой олигархии неприкосновенность. Неприкосновенность, ставшую возможной благодаря страху, лучшему союзнику соучастия, распространяемому среди населения. Страху, который мешает реакции совести даже самых смелых.

Могли ли наши бабушки и дедушки представить, что в нашем современном веке найдутся родители, которые согласятся, чтобы их детям вводили генетически модифицированный, недостаточно протестированный и поэтому потенциально опасный продукт? Чтобы спасти их от смерти? Нет. Чтобы спасти их от насморка. Нет денег на счастье, но сотни миллиардов на лечение, запрещая науку, или на вооружение воображаемых войн. Механизмы для обогащения коррупционеров и укрепления коррупционной системы.

Арно Монтебур, министр экономики с 2012 по 2014 год, депутат, председатель Генерального совета Соны и Луары, подтверждает это в сети: «Я видел, как высокопоставленные чиновники прятали 30 миллионов, возвращали их через окна, разворовывали государственные деньги, чтобы отрываться на Лазурном берегу».

Если мы хотим очистить наши общества, нужно перекрыть кислород мерзавцам. Не дать им финансироваться в странах, которые они контролируют. Процесс Саркози — человека, который, по данным журнала *Le Point*, стоил Франции 500 миллиардов, с ливийскими миллиардами, роздан-

ными национальной элите, показывает это даже самым слепым. Французское население обманывают чепухой, но связь, которая глубоко связывает нас с Африкой, наркогосударствами и виртуальной экономикой, аморальна. Это связь солидарности рта, который развращает, с желудком порока. Если желудок хочет жить, рот должен работать на него; и наоборот. Рот жадно ест и говорит ложь. Желудок тем более чудовищен, что переполнен извращённостью. Это уже поэтизировал Жан де Лафонтен в XVII веке. Если мы хотим, чтобы раздутый желудок умер, лицемерный рот не должен есть. Нужно иметь мужество встретиться с этим уравнением. Седация не лечит болезнь. Бенджамин Франклин не ходил вокруг да около: «Народ, готовый пожертвовать немного свободы ради небольшой безопасности, не заслуживает ни того, ни другого и в конце концов теряет и то, и другое!». И можно быть уверенным, что он прекрасно разбирался в этом вопросе.

Сначала техники и технологии подчинения испытываются на населении третьего мира, а затем, опираясь на опыт, применяются к западному населению. Единственное, что мы индустриализируем, — это долг. Привязь на ноге, как ядро на цепи, прикованной к лодыжке.

Мы живём в эпоху планетарных потрясений. Мы живём в исторические времена эволюции мира к подлинному суверенитету. Усилие скорее этическое, чем коллективное; универсальное. Схема, развращающая человеческий род и человек-

ность в каждом, агонизирует. Это усилие выявляет демоническую механику. Именно отсутствие суверенитета в других местах даёт хищникам средства развращать наш суверенитет здесь. Восстановление суверенитета других означает истощение средств глобализированной коррупции. Мы должны понять у себя дома, что это историческое развитие идёт на пользу суверенитету западных народов, борющихся с извращёнными элитами. Освобождающийся мир способствует возвращению всех суверенитетов. Честные люди, живущие на Западе, не смогут навязать своим элитам настоящую демократию, если те продолжат черпать свои антидемократические финансы в мире. Саркози берёт ливийские деньги чтобы баллотироваться на пост президента, а когда его избирают, продаёт Францию по кускам. Эти хищники — коррупция, разъедающая все суверенитеты. Злые силы, убеждённые, что их дикость защищает их от ветра Истории. Убеждённые, что их полубожественность позволяет им через хаос противостоять естественному порядку вселенной. Но ветер, который дует, напротив, доказывает, что природа мира благоприятствует жизни. Он дует не концом света, он дует концом их мира. Мира полубогов в смиренных рубашках. Они пугают своих подданных якобы всеобщим вымиранием, которое они же и подпитывают, чтобы порабощённые сопротивлялись собственному освобождению. Именно потому, что они господствовали через страх, их не захлестнуло число угнетаемых ими. Гегемонистская привилегия за-

канчивается благодаря единственной логике, которая имеет значение: рациональности. Жизненно важной логике, которая, к счастью, ускользает от человека; поскольку человечество содержит в себе бесчеловечное. Это также возвращение реальности, которая нас превосходит; ибо мы жили за счёт моркови иллюзорного комфорта. Плоский экран никогда не заменит интенсивности жизни, которую даёт человеку его индивидуальная способность творить. Счастье реализовать себя в лучшей версии самого себя. Реальность напоминает нам, что честь и порядочность составляют самоуважение; вещи, которые никогда нельзя делегировать. Реальность прорывает культурный пузырь; сделала бы это добровольно воля большинства? Скоро эти господа вернутся в абстракцию «небытия», из которой идеологически вышли. И мы сможем жить исключительно своими заслугами; которые не малы.

«Все совершилось.»

Разорвать завесу.

Я приезжаю в Детройт, штат Мичиган. Председатель парламента города рабочих и Мотауна встречает меня; на губах — ласковая улыбка, в руке — свиток. Каждое слово, написанное там, летит, как пуля, в сторону социалистического правительства, находящегося у власти в стране «прав человека». Международное отлучение. Анафема, в которой сквозит разочарование западного парламента, представляющего

народ, в адрес непопулярного западного правительства, провозглашающего себя «сердечным». Смелая позиция в мире, который часто отдаёт предпочтение союзам аппаратов и партий в ущерб справедливости. «В знак признания действий, предпринятых на благо обездоленных детей» моей страны, меня удостоивают звание Почётного гражданина города Детройт. Только один француз до меня был удостоен этой награды: известный исследователь, знаменитый французский океанограф Жак-Ив Кусто. Для меня это похоже на охранную грамоту в собственной стране. Социалисты умеют сделать так, чтобы ты чувствовал себя чужим даже у себя дома. С фашистами их вообще узнают по этому признаку!

Мой друг, судья Фредерик Нгуен, хотел изменить ситуацию изнутри. Морально перестроить Синдикат магистратуры. Ещё одна грандиозная программа! Его социалистические товарищи, единоличные обладатели гуманистической карты, занимавшиеся энтризмом для получения тёплых местечек, называли его Пол Потом, за его спиной. Они думали, что нашли умный способ его дискредитировать. Его нужно было дискредитировать, потому что у него был непростибельный недостаток, который смущал братство: его неподкупность. Кость, застрявшая в розовом добродетельном горле.

Левые — профессионалы извилистых путей. Со стороны не всегда легко разобраться. Что такое энтрист? В 80-х, когда социалисты пришли к власти, энтристом был быв-

ший троцкист в фашистской куколке; необходимый этап, чтобы стать неоконсерватором в последующие годы. Хе-хе! Всё ещё немного сложно... Скажем, это флюгеры ярлыков, верные собственному восхождению в хаосе. «Смеётся», как пишут в субтитрах к немым фильмам. Сделать проще — значит принизить их талант и сопутствующие человеческие качества. В книге размышлений, лишаешь себя лаконичности оскорбления.

Именно Фредерик схватил за шкурку актёра Роберта Де Ниро, гулявшего по Парижу, в деле о сети проституции. Уже... В газете *Libération* от 11 февраля 1998 года журналистка Армель Тораваль резюмировала: «В прошлую пятницу они его упустили. Вчера они его не упустили: Роберта Де Ниро, находившегося на съёмках в Париже, утром подобрали полицейские из бригады по борьбе с бандитизмом в отеле Bristol, а затем во второй половине дня доставили к следователю. Парижский судья Фредерик Нгуен расследует дело о международной сети проституции. Актёр, как полагают, пользовался услугами некоторых молодых женщин, столь же красивых, сколь и высокооплачиваемых (от 5 000 до 20 000 франков, а то и 60 000 франков за ночь), благодаря этой сети. Ему известны организаторы этого канала эскорт-услуг, разгромленного в январе 1997 года. Поэтому следователь хотел получить его показания. В прошлую пятницу следователи уже приходили в отель Bristol, но актёра не было. Вчера Роберт Де Ниро ждал следователей и последовал за ними

без скандала. Два ключевых персонажа этой сети - бывшая модель Аника Брумарк и французский фотограф Жан-Пьер Буржуа, работавший на пикантные журналы, были привлечены к ответственности и заключены под стражу за сводничество в отягчающих обстоятельствах. Эта сеть элитной проституции для звёзд, бизнесменов или высокопоставленных лиц из арабского мира предлагала услуги около сорока молодых женщин по принципу эскорт-услуг. Судья Нгуен вербует в мире VIP-персон: бывший жандарм Елисейского дворца Поль Барриль, а также кинопродюсер Ален Сард, польский теннисист Войтек Фибяк были допрошены...». Чёрт возьми! Это пахнет хорошим правосудием! Хочется закончить чтение статьи республиканским «Смерть привилегиям!».

Увы, 13 мая 1998 года Фабрис Ломм из газеты Le Parisien разочарованно описывает отстранение неподкупного в пользу совершенно иного судебного разбирательства.

«Судья Нгуен должен в ближайшее время снять с себя часть расследования по делу о сети проституции, клиентами которой были знаменитости. Судья, который не колеблясь вызвал для допроса Роберта Де Ниро, уступит это дело другому... Дело Буржуа-Брумарк, по названию этой сети элитной проституции с участием целой плеяды знаменитостей, закрыто. Судья Нгуен только что вынес постановление о передаче дела парижской прокуратуре. Вторая часть дела, касающаяся фактов сексуального насилия, всё ещё продолжается, но и она может быть у него изъята.

Вчера в ходе бурной беседы первый председатель апелляционного суда Ги Каниве жёстко объяснился с судьёй. Председатель апелляционного суда, к которому поступило ходатайство об отводе судьи от адвоката Войтека Фибяка, привлечённого к ответственности за «сексуальное нападение и попытку изнасилования», не удовлетворил его, сочтя требование неприемлемым по форме. Однако по существу защитник Фибяка, адвокат Сюр, похоже, добился своего. Ги Каниве, предварительно обсудивший «дело Нгуена» с председателем Трибунала большого процесса Парижа, убедил судью очень быстро снять с себя полномочия по ведению дела в пользу Мари-Поль Мораккини. Судья Нгуен, с которым вчера связались по телефону в его кабинете, отказался подтвердить или опровергнуть нашу информацию.

Мари-Поль Мораккини, имеющая совершенно иное видение дела, которая «помогает» своему коллеге с марта, должна будет в одиночку завершить следствие. В течение нескольких недель в здании суда ходили слухи о скрытом конфликте между двумя судьями, чьё видение дела совершенно различается. Всего один пример, резюмированный адвокатом: «Г-н Нгуен намеревался привлечь к ответственности главу крупного косметического бренда, обвиняемого в нескольких протоколах о сексуальных домогательствах. Однако г-жа Мораккини выступила против, сочтя обвинения слишком слабыми».

Похоже, следствие судьи Нгуена до самого конца будет от-

мечено неожиданными поворотами. Начатое в октябре 1996 года по фактам сводничества вотягчающих обстоятельствах, оно сначала сосредоточилось на Анике Брумарк, бывшей модели, возглавлявшей сеть эскорт-услуг. Затем были привлечены к ответственности несколько посредников, занимавшихся вербовкой девушек для «госпожи Аники». Среди них — Жан-Пьер Буржуа, фотограф, хорошо известный в мире эротической фотографии. Прослушиваемые в течение нескольких месяцев эскорт-девушки выдают полицейским свои альковные секреты. Протоколы этих прослушек настолько скандальны, что в период с октября 1996 года по январь 1997 года они попадали на стол министра внутренних дел ещё до того, как их передавали судье! В протоколах упоминались имена и сексуальные пристрастия целой галереи знаменитостей, среди которых известный французский певец, важный выборный чиновник от СДП (французская правоцентристская партия) с юго-запада, участник дела «Пешине» (еще один государственный скандал)... Столько же завсегдатаев сети, которых судья Нгуен намеревался допросить в качестве свидетелей, как и Роберта Де Ниро. «Судья подвергся такой критике в связи с этим, что с тех пор отказался вызывать других знаменитостей», — считает один из адвокатов.

Эпизод с Де Ниро также ознаменовал новый этап в противостоянии судьи с прокуратурой, которая регулярно отказывала ему в дополнительных ходатайствах, которые он запра-

шивал для расследования в других направлениях, в частности, о связях с Ближним Востоком.

В ходе своего расследования, классифицированного канцелярией министерства юстиции как «деликатное», судья привлёк к ответственности видных деятелей Персидского залива. Некоторые эмиры, как говорят, заморозили выгодные контракты с Францией, чтобы выразить своё недовольство. Судья также нажил себе врагов во французском шоу-бизнесе, привлекая к ответственности продюсера Алена Сарда. Помимо сети сутенёрства, Фредерик Нгуен установил факты «изнасилований и сексуальных нападений», которые стали предметом отдельного расследования.

В общей сложности около сорока молодых женщин, актрис порнофильмов, но также и просто моделей, студенток, безработных или начинающих актрис, дали показания судье о перенесённом ими сексуальном насилии. Главный обвиняемый — Кристиан Буржуа. Последний, занимавшийся вербовкой девушек для включения в сеть под руководством «госпожи Аники», по-видимому, надругался над некоторыми из них».

В конце концов, занимавшая пост хранителя печатей (Министр Юстиции), Элизабет Гигу навещает Фредерика посреди ночи. Дело Буржуа-Де Ниро становится делом Брумарк-Буржуа и даже немного меньше. Затем всё затихает. Роберт, Ален, Кристиан и другие исчезают. Роберт любит Францию, но не её правосудие. Неразделённая любовь, ибо

французское правосудие любит Роберта. Роберт, ты неблагодарен. Итак, 17 марта 1999 года Роберт подаёт жалобу на неподкупного Фредерика. Адвокат Роберта, Ме Кейман, будущий министр юстиции Франции, распространяет эту новость в газете Le Monde. Хотелось бы над этим посмеяться, если бы это не было так трагично для нашей страны. Друг Жак Вержес, отвечая на подначку этого тенора, раздутого республиканским золотом, прощепетал в ответ: «Нельзя помешать собаке писать на статую!»

Что стоит достоинство этих девчонок? Википедия уточняет: «Следователи находят полароидные снимки 89 женщин, включая 14 несовершеннолетних, которые Жан-Пьер Буржуа использовал в качестве каталога для продажи своим клиентам. Из примерно сорока молодых женщин, использованных в этой сети, менее десяти были профессиональными проститутками». «Студентки без гроша, продавщицы фастфуда, девушки из DDASS дают заманить себя в квартиру Буржуа для первой серии фотообнажёнки на Полароид. Эти снимки — основа каталога, который будет предложен „клиентам“ [...]». Сколько они стоят? Немного в Республике привилегий, где этот «клиент» — король. Это похороненное дело Буржуа-Де Ниро предвещает погребение дела Брюнелла-Эпштейна, наступившее двадцать лет спустя. Национальные похороны на неопределённый срок.

Предоставим эпилог этого фарса Луизе Тёйс в журнале Paris Match от 20 августа 2023 года. «Актёр [Де Ниро] не

унижается и яростно нападает на Францию, эту страну, которая «попирает собственный девиз «Свобода, Равенство, Братство»». «Я больше не вернусь во Францию. Я отсоветую своим друзьям приезжать во Францию. Каннский фестиваль мне до лампочки. А ваш Орден Почётного легиона, я вам его верну в посольство, быстро-быстро», — негодует он через несколько недель после допроса. [...] Более десяти лет спустя международная звезда назначается председателем жюри 64-го Каннского кинофестиваля. Честь, которую он охотно принимает».

Возможно, обещанная американским правительством рассекреченная информация по другим деликатным делам согреет аффективный климат между судебной системой США и международной звёздной системой. Перешагнёт ли это потепление французский бункер? Или оно, обладая элементарным вкусом, остановится на границе, как радиоактивное облако из Чернобыля? Генеральный прокурор США Пэм Бонди и конгрессвумен Анна Полина Луна, ответственная за рассекречивание, пообещали потрясти империю извращённости, предвещая, что они «заставят нас чувствовать себя больными» от разоблачений. Возможно, шоу-бизнес развращённой администрации, который дулся на нашу страну, скоро найдёт здесь убежище? Возможно, великое сердце Пэм откажется от идеи вызвать у нас рвоту? Лично я, напротив, убеждён, что истина лечит, что политики — хамелеоны, а обещания делают сумасшедших счастливыми.

Убеждён и излечен от всякой наивности. Я очень серьёзно отнёсся к угрозам, высказанным первым председателем Апелляционного суда в стенах её руанской цитадели. Глядя в глаза, прозвучал приговор: «Вы не представляете, с кем имеете дело. Рано или поздно... Мы заставим вас пожалеть о том, что вы выступили против нас!». Видимо, наказания в виде лишения моего дьеппского кабинета им было недостаточно. Сатанинское братство питается страхом и местью. Это их стиль. Весьма эффективный стиль.

Я не искал конфронтаций, через которые прошёл; у меня не было ни малейшего желания возвращаться в те нищие кварталы, из которых я вырвался ценой огромных усилий. А продление моего пребывания в магистратуре, с отсрочкой моей художественной жизни, которую влекла за собой эта обстановка открытой враждебности, было для меня столь же невыносимо. Мне пришлось реагировать очень быстро, когда эти конфронтации возникли. Серьёзность встреченного зла не оставила мне этически приемлемого выхода.

Я не дожидался разоблачений дела Эпштейна, чтобы работать в своей стране против педофилии. Ни для того, чтобы получать удары, практически в одиночку. Тридцать лет назад мне было тридцать. Нельзя было рассчитывать ни на интернет, ни на социальные сети, ни на международное развитие распространения информации, ни на нынешний элитарный раскол. Маленького судью легко заменить, и я совершенно уверен, что мне не удалось надолго спасти тех детей, кото-

рых мне доверило провидение. Всего несколько лет, вырванных из неизбежности. Но действие во благо всегда оставляет след в израненных сердцах. Я смиренно надеюсь, что то, что мы пережили, помогло некоторым из этих детей восстановить свою связь с человечеством.

Если бы нужно было начать заново, я бы сделал то же самое. Как и все, я немного эгоистично привязан к жизни, конечно; но ещё больше — к глубине сознания. Мы на этой Земле лишь гости. Стоит ли цепляться за социальные маски и их иллюзии, или принять свою космическую истину и цену, которую она требует? Повсюду в этом мире подстерегает опасность. Разве не так обстоит дело со всем, что живёт, или, скорее, выживает в эту мрачную эпоху, которая подходит к концу?

Эти твари, ползающие в вендетте, кишат в магистратуре, где исчезло всякое представление о справедливости. Они занимают там ключевые иерархические посты и устанавливают в институции отрицание справедливости, отвращение к народу и инверсию ценностей. Я не забыл тебя, Тьерри, из Менда и Реюньона. Вы, входящие, оставьте всякую надежду на прямоту позади. Закон вам не поможет. Этот легион располагает фалангами, более мощными, чем любой кодекс юридического сборника. Они вершат правосудие на весах, насылая дождь или солнце. Я там много раз видел дождь, и нормандский климат, в кои-то веки, здесь ни при чём. Позже в этом повествовании мы увидим, что эта порода букваль-

но кишит в моём родном Юге. Но перемена климата решается гораздо выше их голов. Существуют решения, которые от них ускользают. Ибо в конце истории побеждает космос. Эта элита знает, что обречена на небытие, и пытается убедить свои народы, что их ждёт то же самое.

Злой умысел, испытывающее сознание человека, навязывает выбор. Нужно выбрать, цепляться ли за своё сознание, которое является единственным путём к глубокому и устойчивому существованию в нашей вселенной. Или оставить его ради жизни недоношенной, фальшивой и безвкусной, завершающейся в панике последнего вздоха. То, что некоторые делают выбор в пользу отказа от своего сознания, кажется мне непостижимым. Что может убедить человека отказаться от космоса? Вот загадка. Конечно, есть ложь, в которой каждый купается. Но никто, от самого образованного до самого простого, не может не знать в глубине души о важности ставки и серьёзности этого отречения.

Именно в эти годы, восьмидесятые-девяностые, появились дела, якобы ограниченные тайным финансированием политических партий метрополии. Дела, часто инициированные моими друзьями «левыми судьями», воюющими с «левачеством» и маргинализированными троцкистами из Синдиката магистратуры, судебного авангарда миттерандизма. Галактики, которая держала под контролем все рычаги в Национальной школе магистратуры и хвасталась этим. Именно в эти годы социалисты, чтобы найти себе место ря-

дом с глубинными силами, управляющими нами, дали им задатки в единственной области, где могли соперничать со своими конкурентами: в сексуальной распущенности. Финансы и распущенность, две стороны господства, покрытые терниями и шипами, которые нам пришлось преодолевать, цепляясь за наши идеалы. Именно поэтому в извращённости они зашли дальше всех. Именно так Миттеран, флорентиец, убедил старые исторические семьи.

Первым правым политиком, сломавшим единый фронт оппозиции, был Жан-Пьер Суассон, открыв тем самым движение карусели флюгеров, лишённых всякой идеологической линии. Важный политический деятель, который также, как напоминает нам журналистка Натали Занзола 17 ноября 2023 года на сайте FranceInfo FR3 Бургундия-Франш-Конте, был мэром Осера и депутатом от Йонны, региона, прославившегося своими исчезновениями. «В 1984 году разразилось новое дело в Апуаньи, деревне в двадцати километрах от Осера: дело пары истязателей Клода и Моник Дюнан. Эта дьявольская пара похищала и пытала молодых девушек, предоставляя их «клиентам», которые платили за «потребление пыток». Невероятное происходит, когда в 1986 году, через два года после заключения и в ожидании суда, Клод Дюнан выходит на свободу благодаря вмешательству Жан-Пьера Суассона, мэра Осера и депутата от Йонны. Осуждённый в 1991 году на пожизненное заключение, так и не раскрыв ничего о своих клиентах, Клод Дюнан получает частичную

свободу весной 2001 года. Его освобождение тайком, через шесть месяцев после громкого заключения Эмиля Луи, вызывает тревожное охлаждение. Сходство между двумя делами, включая завесу молчания и подозрения в сговоре, интригует журналистов больше, чем правосудие». Председатель регионального совета Бургундии, он проходил через все понижения в розовых министерствах и уже при Жискара д'Эстене, Президент Республики, — в семидесятые годы — имел пристрастие к министерству по делам молодёжи.

Именно в эти же годы скандалы, связанные с так называемыми педофильскими сетями, начали выходить на публичное обсуждение. «Розовые балеты» с участием жертв-даунов, вовлечение бандитизма и военных, ставших наёмниками, наркотическая среда с педофилией в политических кругах. И другие снэфф-муви из даркнета. Целый элитарный мир, подстегиваемый в своей жестокости белой волной; его превосходительством Кокаином. Много ли тех, кто считает, что «белые марши» решили проблему? Марши против прилива? Остановишь ли прилив, идя многочисленным потоком против течения?

15 октября 2003 года судья из Ангулема, Франция, Филипп Замур предстал перед Высшим советом магистратуры (CSM) за то, что мастурбировал во время судебного заседания. Представьте себе сцену. Вы на заседании перед своим судьёй, думаете, что он вас слушает. Он в оргазмической молитве под мантией. Когда вам об этом сообщают, вы думаете:

«Это всё же невероятно! Но везде есть исключения...». Факты доказаны, но никакого наказания не последовало. Совет, в своей великой мудрости, заявляет, что он не отвечает за свои действия. Он может судить своего ближнего, согласны. Но его самого судить нельзя. Джокер! У него достаточно способностей, чтобы отличить правду ото лжи у подсудимого, но недостаточно, чтобы понять, что нельзя мастурбировать во время заседания суда. Вот верх абсурда: 19 марта того же года тот же Департаментский медицинский комитет Шаранты, который помог избежать ему наказания, выносит благоприятное заключение о возвращении к судейской работе экс-гибициониста-недееспособного, работая поочередно. Достаточно, чтобы осуждать других, но недостаточно, чтобы быть осуждённым самому.

В каждой профессии есть плохие специалисты, это правда. Но что кажется наиболее тревожным, так это реакция CSM. Какова именно функция этого дисциплинарного органа? Каким интересам он служит?

Незадолго до этого, 19 мая 2003 года, газета L'Humanité вышла с заголовком: «Педофилия. Высокопоставленный судья пойман с поличным». Мишель Жубрель, сорок девять лет, генеральный прокурор при Апелляционном суде Версаля с 1997 года, входит в число примерно шестидесяти человек, задержанных в 38 департаментах жандармами Исследовательской секции Орлеана. Речь идёт не о рядовом мерзавце. Он занимал должность генерального секретаря одного

из основных профсоюзов профессии, Союз профсоюзов магистратов (USM). Привлечён к ответственности за распространение, запись и хранение изображений педофильского характера. Из 10 000–15 000 изъятых фотографий следователи уточняют, что некоторые из них «невозможно смотреть», настолько это недопустимо. Но есть и еще хуже. Это недостойное лицо заседало в Высшем совете магистратуры с 1998 по 2002 год. Это начинает походить на критерий продвижения для этого высокого совета избранных элитных горностаев. Ибо это высокое собрание, даже очищенное от своих смутьянов, тем не менее преисполнено снисходительности к своим коллегам-сексуальным извращенцам. Для сравнительной оценки напомним читателю, что именно эта инстанция, выше всяких подозрений, прервала мою борьбу с педофильской торговлей в Дьеппе. Что случилось с судьями, несправедливо преследуемыми Высшим Советом Магистратуры и, возможно, осуждёнными этим злоумышленником? А те, кто, возможно, виновные, были оправданы? В каких секторах они смогли возобновить свою извращённую деятельность? Можно ли представить себе отчаяние их жертв, находящихся их у власти?

Неужели тогда так удивительно поймать на слове вице-президента суда в Дижоне, женатого на другой судье — распутной, но без излишеств, уверяет нас Francebleu Октябрь 2020/Июнь 2020 —, предлагающего интернет-пользователям сексуальные отношения со своей двенадцатилет-

ней дочерью? Судьи, особенно судебская иерархия, находятся под строгим контролем, который не допускает никаких скрытностей, делающих их личность загадочной. Тщательный контроль, фиксируемый в их личных делах. Немного как с педофилами-священниками, которые, что бы ни говорили, все идентифицированы. Предположительно исключительное поведение этих похотливых субъектов предполагает наличие у них психиатрических анамнезов, очевидно, известных начальству; которое постоянно пополняет личное дело каждого судьи.

Помню, однажды я потерял магнитную карту для въезда на парковку суда. Ну что ж, эта потеря стала предметом подробного доклада руководителя судебной инстанции из двенадцати палат. Доклада на нескольких страницах, который я обнаружил десять лет спустя в своём личном деле. Сравните степень заинтересованности в этом деле с делом председателя судебной инстанции, который щупает себя на заседании, пойманным на просмотре детских пыток или родительского сводничества... Без какого-либо резонансного доклада, отягчающего их личные дела? И именно одного из таких продвигают среди более чем семи тысяч других, чтобы судить об этике судебского корпуса? Случайность была бы единственной причиной?

Раз начальство в курсе, вы задаётесь вопросом, не эту ли особенность как раз и ищет высшая магистратура, чтобы судить непокорных коллег? Порученных избавляться от

судей, не разделяющих тошнотворные ценности правящей элиты. Кто на вершине государственного аппарата, всевидящим оком, ставит прямоту под каблук безумца?

Дела Нормандии, дела Севера или дела Тулузского региона не единичны; они находятся в центре функционирования нашего общества. И мы найдём тому подтверждение, спускаясь по географической карте страны, чтобы заинтересоваться показательным примером. Кто доверил бразды правления Генеральному прокурору Юго-Востока Франции, который, с полного одобрения упомянутого всевидящего ока и вопреки явному предупреждению смелого Генерального прокурора Эрика де Монгольфье, был у власти, когда высокопоставленный судья Пьер Рош — чрезвычайно опасный Верховный Судья, поведение которого напоминает французского Эпштейна —, прежде чем быть убитым, раскрыл причастность местного правосудия к сатанинским сетям?

Этого Генерального прокурора я хорошо знаю, так как именно он угрожал мне по прибытии в Суд Монпелье. Личные угрозы, впоследствии ежедневно транслируемые его приспешниками из трибунала большого процесса Безье, первым заместителем прокурора Республики в Безье и его женой, первой судьёй в той же юрисдикции. Пара судей с печальной известностью, в сопровождении их маленькой шавки-заместителя, чьё имя я предпочитаю пока забыть. «Ты знаешь, что случилось с Рошем...».

Сегодня в стране прав люциферианской элиты сексуаль-

ная защита детей абсолютно не обеспечена. Этих преступников, число которых невозможно подсчитать, лишь случайно привлекают к суду. И весьма вероятно, что всё реже будут слышны смелые судьи, такие как заместитель прокурора Бобиньи Мартин Буйон, пытавшаяся предупредить общественность, давая показания на государственном телевидении о наличии в парижском регионе «детских захоронений». С каким результатом? Для неё — перевод и уничижительное медийное освещение.

Суды часто развращены тем злом, которое призваны искоренять. В тех редких процессах, где фигурирует педокриминальная сеть, результат судебного разбирательства вызывает сомнительный эффект на публику. Во-первых, стараются заставить исчезнуть слово «сеть» или ограничить его интернет-активностью. Но тень зловредного спрута остаётся в коллективном бессознательном, окутанная своего рода неуязвимостью, поскольку он всегда ускользает сквозь ячейки сети. Можно быть уверенным, что невинные пострадают, одни как сексуальные жертвы, другие — в дыму медийной дымовой завесы, прежде чем мотор заглохнет и когти и зубы виновных наконец подрежут. Мотор, который вчера работал на полную мощность в Церкви, прежде чем она покаялась. Но который всё ещё работает в Правосудии, в Учреждениях защиты детства, в Службах социальной помощи детству, в Национальном образовании, в государственном и частном здравоохранении, в кастах, у нотаблей, в политических сфе-

рах и частной власти. Вплоть до самых скромных слоёв нашего общества.

В этой важнейшей области никакая наивность у взрослого недопустима. Затронуто всё общество. И маловероятно, что те, кто обменял свои фундаментальные права на защиту от насморка или как ядерный ястреб, будут в первых рядах, защищая детей от тех же тиранов. Прежде всего это голова рыбы... Что делать против лжеца, владеющего всеми микрофонами? Разве мы все не испытываем искушения сесть на берегу реки и ждать, «чтобы увидеть, как проплывёт его труп»?

Что остаётся, чтобы поддержать мужество разоблачителей, свидетелей или жертв варварства? Ибо я могу лично засвидетельствовать, что в списке, который я только что перечислил... каждый по очереди, но чаще всего в очень организованной группе, преследовали нас на протяжении всей нашей семейной жизни!

Много ли у нас тех, кто стучался в веки «широко закрытых глаз»?

Я пересёкся с бандой демонов, особенно изобретательных во зле. Мне было ровно двадцать восемь лет. Возраст, когда наивная хорошая ученица глупо ассоциирует «элиты» с «общим благом». Я не думал, что зло достигло таких глубин. Впрочем, можно ли в этом возрасте убедить себя в этом без помощи паранойи?

К счастью, я также встретил людей, исполненных непоколебимой прямооты. Они проявили щедрость, забыв об их

различиях, чтобы вытащить меня из этого ада. Они вернули меня к моим близким. В Человечество. В самое сердце моей судьбы. Живопись.

Нужно дать себе немного времени, чтобы эмоционально похоронить свои демократические иллюзии. Время траура, предшествующее конструктивной реакции. Возможно, мы коллективно переживаем время перестройки рационального пути, который восполнит принятие потери. Потерять иллюзии — значит получить шанс войти в настоящую жизнь, где возможны настоящие решения. Покинуть «Голливуд», чтобы строить цивилизацию.

Почему Семь Самураев в фильме Акиры Куросавы сражаются на стороне напуганных крестьян, участвуя, таким образом, в исчезновении агонизирующего мира? Мира, который, тем не менее, создал их военную мощь. Если не просто ради красоты, а ради праведной борьбы. Красоты мужества для них и справедливости для крестьян. Это последний раз, когда их качества могут быть полезны. Пасть в бою для воина лучше, чем бесчестие умереть от перелома позвоночника, гнувшись в поклонах, или от плохо провакцинированного насморка.

Италия за две тысячи лет прошла путь от статуса Святого Запада до статуса пятого колеса в телеге. Одна вещь уберегла итальянцев от психологической депрессии. Одна вещь питала их стойкость. Красота. Когда на душе холодно, даже малейшая искра красоты заставляет нас держаться. Красота по-

лезна для жизни! Франции нужно пожелать возвращения к ее былой красоте. Красота — это отражение фундаментальной природы вселенной. Она даёт силы противостоять нереальным скобкам. Разрушение — лишь временный эффект эволюции.

Глубинная сила.

Видимая надстройка социальных иерархий, контролируемая подземной инфраструктурой исторических олигархий.

Почему власть, если она блага, стала бы скрываться?

Что это за глубинная власть, о котором вдруг так много говорят? Глубинное государство — другой способ его описания — не является элитарным коллективом видимого государства, который бы сохранялся после того, как время стёрло его самых периферийных слуг. Это также не накопленная идеологическая подлива аппаратчиками, составляющими жёсткое ядро. То, что осталось бы от видимой власти, если бы десятилетия истожили временных лиц, принимающих решения. Эта власть действительно существует, но существует и другая, ещё более глубинная; и первая находится на службе у второй.

Что же это тогда? Это зависит от страны; хотя она транснациональна. Эта власть не монолитна, даже внутри национальных границ. Она может даже быть разделена на группы с весьма расходящимися интересами. Во Франции она состоит из старых привилегированных национальных семей, свя-

занных с другими экстранациональными семьями; на вершине социальной иерархии. Следует сказать, иерархии бесчеловечной. Адольф Тьер, ведущий французский политик, успокоил эти семьи, напуганные республиканским подъёмом середины XIX века, заверив их в продолжении их реальной власти, несмотря на «демократические выборы». Французский историк Анри Гийемен хорошо изучил этого персонажа. Циник, Тьер обещал им, что эти выборы дадут лишь кукольный театр. Временное государство. Сегодня мы хорошо видим, что какая бы партия ни была у власти — будь то левая, правая, центр, крайние или Брюссель, — их правление принципиально не меняет общее направление. Мы видим, как подчинение просто меняет форму под разными речами. Речь, которая гладит каждую группу по шерсти, но, попав в витрину власти, мы видим, что спектакль продолжается, каков бы ни был победитель. Это не потому, что возможна только одна политика, а потому, что их власть исходит из одних и тех же источников. Избранные — хамелеоны, скрывающие глубинный цвет разделения, которое позволяет править. В действительности, нет никакого демократического пространства в голосовании, чтобы противостоять глубинной линии.

Её называют «глубинной», потому что она обладает реальной властью и потому что она настолько незаметна, что становится почти невидимой. Когда царит недобросовестность, способность скрываться — один из атрибутов истинной вла-

сти. Нельзя потерять то, чем, как считается, не владеешь. А невидимость обеспечивает безответственность. Когда тебя не существует, ты ни за что не отвечаешь; даже когда обладаешь фундаментальной властью, в конечном итоге. Когда решение оборачивается плохо, всегда можно обвинить избранного в витрине или «невезением». Подконтрольные СМИ полны воображения, чтобы затем состряпать правдоподобные объяснения, которые сдержат общественное мнение. Не следует также впадать в суеверие, придавая этой глубине размеры таинственной сущности. Она сама придаёт себе этот масштаб, чтобы воображать себя мистической; но необязательно ей верить. Это всего лишь мелкие рантье системы подчинения, которую они приумножают после наследования. То, что дала им география, историческое развитие у них и отнимает.

Чем больше Глубинное государство созвучно народным интересам, тем меньше ему нужно вуалировать себя. Чем больше оно скрывается, тем дальше реальное управление от истинной демократии. Когда глубинные власти воюют между собой, у населения появляется возможность их идентифицировать и ощутить их действие. Это происходит сегодня с геополитическими изменениями, сотрясающими планету. И чьи последствия ставят часть американского глубинного государства — ту, что поддержала Дональда Трампа — в прямую конфронтацию с большинством западноевропейского глубинного государства (союзного другой погруппы).

жённой фракции американского айсберга, неофашистской, обычно называемой неоконами, которая укрылась в Европе, чтобы выжить после смены администрации). Хорошо видны сложности, которые это порождает, когда пытаешься объяснить эти разрывы союзов, можно также порадоваться, представляя ущерб, который эти сложности конкретно наносят этим элитам. И у этого элитарного раскола есть хорошие дни впереди, ибо сомнение, терзающее часть американского глубинного государства, рационально. Потому что, если гонка вооружений ускорила крах СССР, то тотальное военное вмешательство США в мировые войны ослабило Америку настолько, что позволило Китаю обогнать её экономически. Затяжные военные пропасти не служат долгосрочному экономическому процветанию. Гражданское потребление приносит капиталу больше пользы, чем военное. Последнее строит лишь промилитаристскую олигархию, которая инвестирует только в войну. Этим объясняется прибежание к финансовизации экономики; которая лишь виртуально компенсирует недостаточность прибыли. В долгосрочной перспективе финансиализация порождает нестабильность, тогда как индустриализация порождает прочность реальных активов.

Благодаря этой конфронтации внутри глубин, дела выходят на свет потоком, более смывающим, чем любая волна безродных. И мы понимаем, что наше Глубинное государство состоит из гнусной знати, использующей социальную

иерархию с республиканской голубой кровью, чтобы убедить добрый народ в том, что ему повезло жить в лучшей из возможных демократий. Ни один маленький судья, вооружённый лишь своей совестью, не мог бы в одиночку доказать это на местном уровне, настолько прочно международные сети замыкают это пагубное функционирование.

И потом, нужно быть реалистом, судья по делам несовершеннолетних, противостоящий этим влиятельным извращенцам, я шёл по канату. Если бы хоть один из детей, которых я изъём из рук ASE, столкнулся с проблемой, ответственность бы пала на меня. На меня и ни на кого другого. Я это осознавал, но у меня не было альтернативы. Мне хотелось бы верить, что кто-то над облаками присматривал, раз ничего подобного не случилось. Надо сказать, что с моей маленькой командой добрых самаритян мы усердно работали, чтобы ничего не оставить на волю случая. Убеждаясь, что каждая брошенная под наши ноги банановая кожура обернётся против её злоумышленника в тех публичных и медийных обстоятельствах, в которых я проводил нашу чистку. Но ещё раз, в те времена нельзя было рассчитывать ни на интернет, ни на мобильные телефоны, ни на социальные сети. А основные национальные СМИ были все на содержании у официального разума.

Способность распространять информацию сильно изменилась с девяностых годов. Когда обнаруживаешь этот подземный мир, который нами управляет, это откровение слиш-

ком ужасно, чтобы быть принятым на веру Большим Числом. Это немного похоже на то, как если бы марсиане явились вам по секрету лунной ночью: неизречимая информация. Но сегодня многие независимые подкастеры занимаются переинформированием в Интернете. И это как если бы инопланетяне приземлились в Центральном парке. Каждый следит за диссидентскими расследованиями, которые выкапывают варварство глубинных элит.

«Самиздат» был системой правды, развившейся в СССР против официальной «Правды». В наши дни самиздат ушёл на Запад, чтобы противостоять царящей там лжи. Усилия Бена Суонна по PizzaGate, Кэндис Оуэнс и Такера Карлсона — журналистов, о которых мы ещё поговорим —, знаменитые досье Эпштейна, приковывающие к себе все взгляды, даже если они ещё не открыли все загипнотизированные глаза, сегодня позволяют дать возможную видимость бунту песчинки. Во всём мире разоблачители расследуют и прогрызают тьму. Осознание распространяется, чтобы разоблачить даже наши Глубинные государства: секты, цепляющиеся за сохранение своих привилегий.

Есть общие соображения, а есть низменная конкретная деятельность на местах. Население, воображаемое как скот, из которого привилегированный приходит черпать для удовлетворения своих разнообразных борджианских потребностей. Цепочка сообщничества, без которой Малое Число не может реализовать свою «гибрис» и пользоваться денатури-

рованными, необычными преимуществами. Эти наживающиеся воображают себя выше толпы, именно в силу исключительности своих привилегий, тогда как это, напротив, является признаком их умственной заторможенности. Заторможенности, которая препятствует цивилизации.

Я не забуду моих прилизанных коллег, которые на законных основаниях вырывали этих малышей у их дестабилизированных семей, чтобы передать их своим друзьям из банды, которые делали их своей вещью. Их разобранных младенцев и кукол. Знаете, этих детей-беглецов или пропавших без вести? Знаете, этих девочек-подростков, которые вдруг становятся тучными без видимой причины — тучные среди бедных и анорексичные среди богатых —, но которые в тишине своего внутреннего крушения нашли в уродстве единственный способ избежать извращённых желаний, которым они ежедневно подвергаются в этих безмолвных тюрьмах. Через ненависть к себе. Там, где другие, побеждённые бессилием, подражают физическим размерам взрослого. Обезображивание человеческой эмоции в этих комнатах с приглушёнными стенами, превращающих очаги в публичные дома. Ампутация эмпатии. Ненависть вместо любви.

Была одна ассоциация в частности, очень популярная в то время, которая собирала нашу незащищённую молодёжь. Учреждение имело на всей национальной территории — и, возможно, за её пределами — множество мест проживания, где оно размещало несовершеннолетних, изъятых из их есте-

ственной среды Правосудием или администрацией. Часто благодаря сообщничеству обоих. Оно пользовалось мощной поддержкой «на самом высоком уровне государства». Я не забыл похотливый цинизм, с которым эти судьи в профессиональном кругу называли упомянутую ассоциацию: «Засаживай и делись». Я также помню иезуитские воспитательные учреждения, такие как «Ла Провиданс», с сомнительным руководством... Провидение для кого? И все остальные, которые закрывали глаза на эти сортировочные станции педофилии, под контролем иерархических институциональных башен. «Пусть представят себе Освенцим и Дахау, Равенсбрюк и Маутхаузен, но всё это в огромном масштабе — масштабе столетий, континентов — Невинность — превращённая в концлагерную вселенную, полосатая роба, навязанная — детству —...» — обрушивал на другие жестокости Эме Сезер, поэт культурного сознания.

Физический страх или сохранение карьеры? Я вижу в этом прежде всего, конкретно, недостаток совести.

Я был судьёй, как Селин был военным; и, возможно, врачом. Как Ван Гог продавал картины в Лондоне или как Годар делал телевидение; за линией фронта. Это не те профессии, которые художники выбирают спонтанно. Скажем так, это свалилось нам на голову. Или на плечи. Моя линия фронта была не военной, а элитарной. Судить — это противоположность живописи. Рисовать — значит искать форму. В искусстве нельзя найти форму, дискриминируя реальное, на-

против, необходимо охватывать реальное. Судить — опасная ситуация для себя, потому что она ставит в удобное положение нахождения на правильной стороне официальной истины. Комфорт — это опасность для внимания. Как в живописи, я старался вкладывать себя в это с вниманием. Я старался быть хорошим судьёй, отказываясь от комфорта. Быть частью социального целого, а не просто отдельной частью этого целого.

Нет никакого сравнения между страданиями, которые перенесли наши бабушки и дедушки во время войны Великой Войны, и обязанностями маленького судьи. Но есть пагубная эволюционная связь между этими братоубийственными войнами и войной против детства, учитывая катастрофическое положение нашей страны. Эволюционная блокировка. Есть сходство, продолжение в отсутствии культурной этики, чья постоянство поддерживает опасность исчезновения, нависшую над нашими головами. Опасность, против которой осознание — наш лучший союзник.

Сын Шарля де Голля свидетельствует, что часто слышал, как его отец говорил о французах: «Они — телята». Он добавлял в июне 1940 года: «Они годны лишь на бойню. Они получают по заслугам». Это справедливо для нашего культурного большинства и ложно для нашего сознательного меньшинства. Это обобщение несправедливо. Нельзя клеветать на тех немногих героев, которые сопротивлялись большинству подлецов, согласных с нацистским захватчиком. Как на-

поминал великий французский боец Сопротивления нацистской оккупации Стефан Эссель: «Не думайте, что Франция была страной Сопротивления. Сопротивление было небольшой частью Франции. Франция в своём большинстве была вишистской. Так что если сегодня многие опускают руки, не стоит этому удивляться. [Но] достаточно активного, сильного меньшинства...». И именно идеологические наследники подлецов должны сегодня возводиться в статус патриотов? Доминирующие ценности и стадное поведение большинства — это две опоры нашей иррациональности. Если у нас больше нет власти навязывать миру наше доминирующее видение, то потому, что реальность судит это видение как девиализирующее.

Раздражает видеть, как избранные марионетки жестикулируют иррациональными идеями кукловодов за занавесом, но жалко видеть в массах столько подражателей, воспроизводящих те же движения. Ибо если первые марионетки вознаграждаются за свою покорность, то вторые теряют больше, чем выигрывают.

Существует своего рода общее упорство в отрицании иррациональности нашего национального выбора. В систематическом перекладывании ответственности на нескольких избранных и, чаще всего, на внешние факторы. Оправдание патриотизмом — это удобная отговорка. О какой именно родине идёт речь? Родине **варварства** или рациональности? Когда невозможно найти противника, на которого мож-

но было бы свалить вину, ну что ж, виноват будет никто, даже когда были приняты все решения . Виной тому «невезение»? Легко, например, винить во всех дисфункциях планеты одни только США. Когда мы видим, как они пытаются выйти из мира, тогда проявляются жёсткие ядра хаоса, толкающие к глобальному воспламенению. Джеффри Сакс, знаменитый экономист из Мичигана, который многое почистил в своей стране , прежде чем соваться в другие, прав, утверждая, что до гегемонии его страны в человеческих делах «Британская империя и Французская империя были ответственны за колоссальный хаос» и что «Британская империя породила ужасные проблемы насилия по всему миру». Мы привыкаем к потреблению для себя и беспорядку у других. Привычка, эта вторая натура, берущая верх над первой, создаёт большинство, неспособное воспринимать, насколько комфорт деактивирует восприятие. Гиперпотребление, пунктирующее столетия несчастья, безусловно, создаёт ослепительный контраст. Релятивизм толкает к фатализму, затем к безразличию и раздувает культурный пузырь. Знаменитый сад в джунглях его превосходительства европейца Жозепа Борреля. В реальности, ослепление погружает наши страны в бездну; ибо реальный порядок терпелив, но он неизбежен. Массовая слепота, скрывающая педократическую систему, истекает из аналогичных психологических механизмов: безразличия. В реальности, если культура может обременять себя педократией, то цивилизация — нет.

Когда ты не несешь ответственность, ты не решаешь перманентные проблемы. Не идентифицируя реальность проблем, вы отсекаете себя от возможных решений и усугубляете их, вплоть до самореализации самых невероятных и неправдоподобных пророчеств о разрушении. Все эти нерешённые проблемы накопились во Франции до такой степени, что глобальное решение становится сложным. Очень сложным. Множество официальных истин той или иной эпохи — ложь — рано или поздно смываются знанием подтверждённых фактов: происхождение войн, болезней, голода, коррупции. Тем не менее, вспышка истины фактов, возникающая в нашей жизни, не позволяет в итоге обрести глобальное восприятие. Ни одно откровение не навязывает рационального принятия решения. Часто эти откровения приходят так долго после свершения фактов, что такая дистанция успокаивает население относительно настоящего, производя эффект мокрой петарды и зевоты толпы. Если бы ложь была луковницей, можно было бы сказать, что каждый слой, снимаемый каждым разоблачением фактов, вместо того чтобы вызвать общее осознание, приводит лишь ко второй натуре. К сонливости, если не к околоченению. Мы находимся в своего рода центрифуге неразрывно переплетённых социальных проблем, и сомнительно, чтобы из этой мешанины вышло что-то чистое. Нам придётся расплачиваться за ложь. Разочарование нарастает, давит на стенки пузыря, взрыв приближается, и мы разобщены чтобы противостоять миру, который

игнорируется за стенами.

Безусловно, французская культура не сводится к мрачным методам её элит. И наши шансы на выживание следует искать скорее в качестве того, что наша уникальная культура может предложить миру. Если наша культура целиком синонимична господству; тогда она исчезнет, пойманная на нашей бесполезности, разрушенная изнутри или ещё более доминирующей культурой. Такие есть.

Правило уважения суверенитета других также является защитой нашего собственного.

Почему эта блокировка? Природа культуры? Басня о скорпионе и лягушке? Срок годности? Ошибки управления? Успехи невзгод? Можно интеллектуализировать тему сколько угодно. Добавить к искажённому восприятию анализ сквозь шоры... Можно найти оправдания или же признать очевидное. Признать реальность — это акт мужества. Более того, рациональное действие необходимо для цивилизации. Безответственность продвигает лишь варварство. Безусловно, переход от лжи к реальности дестабилизирует, но реальность не так уж сложна: в нашем обществе жизненно важные качества воплощены лишь в меньшинстве. Вот вам реальность в лицо. Ценности нашего Государства выражают природу нашего культурного большинства. Большинство, которое не знает, против кого сопротивляться или с кем сотрудничать. Большинство, которое ранее, на унылой равнине, проиграло нашу страну. Вот вам другая сторона медали.

Сторона Ватерлоо. Она не потеряна для всех, но она не работает в направлении нашего культурного интереса.

Реальность доброжелательна, ибо знать, что у нас больше нет страны, — это уже сделать первый шаг, шаг пробуждения, чтобы вернуть её.

Какова реальность культуры, которую не принимает ни одно новое поколение? Наши дети — это основа нашего культурного суверенитета, поэтому их защита имеет фундаментальное значение. Всех наших детей. Если наша культура не защищает наиболее уязвимых, значит, она не защищает никого, поскольку всё молодое поколение воплощает наше будущее. Это одно из проявлений отсутствия страны. Отсутствие культурной защиты, позволяющей червю развиваться в яблоке.

Доверить своё будущее совести тем более героично, что этот выбор большинством воспринимается как слабость. Сила для безответственных заключается в том, чтобы повторять ошибки и промахи ещё более энергично. Часто можно слышать, как падшие господа объясняют своё поражение умеренностью своего властного духа. Тем не менее, причина могла бы убедить нас, что истинная сила оценивается по успеху, и, таким образом, согласиться с тем, насколько эта «доминирующая сила» нас ослабила. Есть это меньшинство героев в нашей Франции, чьи ценности в прошлом часто доминировали, что, безусловно, объясняет исторические заблуждения, но, увы, также и дурное предзнаменование. Веч-

ное культурное меньшинство, чью долю никто не может серьёзно оценить; но реальность может. Нам нужно выйти из-под влияния лжи, чтобы встретиться лицом к лицу с реальностью. Реальное, которое говорит: не прерывайте противника, когда он ошибается.

Правящая педопреступность ошибается, заявляя о своих противоестественных ценностях. Тема педофилии является стратегической в этом отношении; поскольку она внутренне связана с истинной властью, которая глубоко унижает нашу нацию во всех сферах. Циничное выражение этой связи будет сильнее, поскольку правящая экономическая держава ушла на Восток, а святотатство, пожалуй, единственное, что ей осталось. Хорошо видно, что хаос проистекает из суммы противоестественных инверсий. Какую бы из них ни вытащить из общей кучи, она системно связана с другими. И педокриминал в этой куче — отличный кандидат. Это барометр, измеряющий состояние здоровья нашего общества. Но это также общий знаменатель в неприятии, который мог бы объединить за пределами различных разделений, которые центрифуга делает неразрешимыми. Защита детей порождает совместное действие, потому что она ставит искренность выше эгоистичного интереса. Эта общая нить могла бы обладать капиллярным свойством восстанавливать социальную связь; ослабляя искусственно поддерживаемые разделения. Эпифания. Отправиться вместе на войну против общего злонамеренного противника строит братство.

Холодная правда лучше, чем теплота золотой середины; которая не всегда её содержит. Прикосновение первой часто болезненно, но вторая может оказаться столь же смертельной, как медленный медовый яд. Когда не воспринимаешь реальность, это комфортно сначала, но катастрофично при её возвращении. Когда воспринимаешь её сразу, происходит обратное. Сначала больно, но решения появляются постепенно. Пособники лжи, сверху и снизу, предают человечность нашей культуры, но они истощаются перед лицом неизбежной жизненной силы реальности. Отказаться от своих иллюзий для них значит отказаться от своего мира. Знак того, что благоразумие стучится в дверь. Другие хорошо знают, что возвращение реальности — это не сведение счётов, а просто возвращение жизни.

Конец первого эпизода.

(Продолжение следует)

Разоблачение французских связей сети Эпштейна и наркотического функционирования нашей пагубной политической системы бывшим крупным преступником Жераром Форе говорят о реальности. Их нарко-нарциссическое соединение логично. Исповеди этого бывшего принца кокаина и развращённого судьи Пьера Роша, оба — в самом сердце злоумышления, являются прекрасными свидетельствами тех гнусных реалий, которые секта скрывает от своего народа. Помимо личности раскаявшихся, важна раскрытая фак-

тическая реальность. Именно эти свидетельства используют немногочисленные смелые судьи, чтобы продвигаться в истине, и которые систематически перехватываются иерархической и медийной цензурой. Мейнстримной прессой, которая, как теперь известно, субсидируется национальной политикой, но также и бюджетом USAID; организации, близкой к Госдепартаменту США и ЦРУ, управляющей состоянием в 47 миллиардов долларов. Не говоря уже о NED (Национальный фонд в поддержку демократии, частный фонд), который на других уровнях делает то же самое. Миллиарды долларов, распределяемые этими агентствами, были обнаружены благодаря смене администрации в Америке. Агентства, о которых новые политические руководители заявляют, что они являются частью «болота».

Политические пристрастия разделяют нас в битвах, которые не являются нашими. Вспомним, что чем больше глубинные власти борются друг с другом, тем больше у населения шансов узнать реальность, поскольку её больше нельзя от него скрыть.

Именно реальность построит счастье; а не Голливуд. Подобно триллеру, сплетающему двойников и ложные следы, бросающим невинных и виновных в один мешок неопределённости, именно те, кто ответственен за хаос, пишут сценарий. Как в этих условиях мы могли бы ожидать от судебной системы, что она обеспечит справедливость? Институтция находится в руках глубинных элит и плечом к плечу с

временными элитами, ответственными за дисфункции. Если мы отбросим это печальное очевидное, то каждый, добросовестно или недобросовестно, более или менее наивно будет ждать, что система осудит саму себя. С самого начала юридического образования университет учит студента, что Правосудие ищет не справедливости, а лишь применяет закон. Закон, написанный элитами. Это начало интеллектуального гипноза или промывания мозгов, когда вас убеждают, что круг — это на самом деле квадрат. Рационально было бы, чтобы судебное учреждение не являлось справедливым? Мы возлагаем нашу веру в функционирование основополагающего для демократии, но извращённого института, как мы ждём от сценаристов детективного фильма, что они накажут преступника за несколько минут до волшебного появления пяти заключительных букв. Болото пишет в свою пользу сценарий наших жизней, используя институты, формирующие доминирующую культуру страны. Поэтому мало шансов, что оно напишет свой собственный эпилог.

Нужно детализировать эти общие соображения, перейти от общего к конкретному. Насколько верно, что общее осложняется медийным. Судебная система зависит от политического министра и функционирует сообща с этим министерством слова, каковым являются субсидируемые СМИ. Громкоговорители Глубины. Именно президент Республики назначает президента Французского Агентства Печати, которое поставяет основную информацию всем француз-

ским СМИ. По вопросу связей между педофильскими сетями и «самым высоким уровнем государства» Правосудие и СМИ, финансируемые одной и той же глубинной политической властью, механически вовлечены на одну сторону.

Ещё конкретнее? Как можно ждать, что правда фактов просочится благодаря самой авторитетной журналистике, когда известна политическая власть в этой области, например, Мими Маршан, долгое время бывшей пресс-атташе четы Макрон и отвечавшей за коммуникацию супруги президента? Её влияние на образ правящих нас князей началось не с нынешнего президентства. Она работала ранее при президентах Николя Саркози и Франсуа Олланде. В июле 2018 года, после избрания Эммануэля Макрона, она позирует, сверкая всеми зубами, на столе в кабинете президента Елисейского дворца, изображая знак победы. Кто такая Мими Маршан? Замужем за гангстером, затем за грабителем, она погрязла в уголовной безнравственности. Однако её знакомит с четой Макрон Ксавье Ниль, французский миллиардер, телекоммуникационный магнат, включая эротику — 3615, розовый Минитель и секс-шопы. Сам он имеет уголовное прошлое, что позволяет Элону Маску сказать о нём в X: «Этот парень был отправлен в тюрьму за то, что был настоящим сутенёром с группой проституток!» Странное президентское окружение, не правда ли? Или круг всё-таки квадрат? Газета *Libération* от 16 июня 2021 года сообщает, что Канадский Центр Защиты Детей в докладе *Arachnid* обви-

няет компанию Free Нилы в хостинге половины файлов детской порнографии, зарегистрированных в интернете. То есть 1,1 миллиона изображений или видеофайлов детской порнографии. Клаудия Таварес, которая работала у него «хостесс» во времена «розового телефона», объясняет в соцсетях, что её босс прекрасно знал лозунги, используемые там для привлечения педофилов: «Молодая девушка 11 лет, которую нужно трахать», «молодая девушка, лишение девственности, 13 лет» и «маленькая задница, которую нужно расширить». Псевдонимы, которые принесли ему состояние... Можно ли справедливо общаться с этим человеком после его судебного прошлого?

Круг действительно квадрат? Белый рыцарь днём и распутник ночью? Вера в парадоксальные идеи в конце концов опровергает простую реальность мира.

Коррупция разлита на виду у всех, но иллюзия лучшего из миров сохраняется. «Рай посреди джунглей». Слишком долго, чтобы верить в возможное восстановление нами самими? Завелся ли червь бессилия в яблоке Франции слишком давно? Веря, что вызываешь зависть, в конце концов начинаешь вызывать жалость. Что останется у нас между пальцами, когда иллюзия рассеется? Когда мы осознаем, что именно ад в центре, создавал джунгли вокруг себя.

Мейнстримные СМИ, которые приглашали Жерара Форе, этого «принца кокса, дилера всего Парижа», в эфир, делая вид, что только что узнали содержание его разоблачений,

говорит об их приверженности. Эти деятели дезинформации формируют постоянный трибунал элитарных сил в батальоне официальных истин. Трибунал, который карает реальность и тех, кто её восстанавливает. Я знаю эти взгляды возмущённой добродетели наших телеведущих. Этих нобелевских лауреатов по интерпретации правосудия. Я видел, что они показывают спереди и что их руки делают сзади. Ту же маску благомыслия, которую я наблюдал на лицах коллег, передававших детей без семей в порочные структуры.

Если «раскаявшиеся» — лжецы, почему политики и высокопоставленные судьи, которых они обвиняют, не подают на них в суд за клевету? Действия Форе и других Рошей отвратительны, но правда ли то, что они сказали? Вот единственный вопрос, который имеет значение. Потому что ответ на этот вопрос позволяет положить конец бесчеловечной торговле. Отказаться от этого — значит защитить продолжение торговли. Наши элиты имеют вкус к привилегиям, но не к родине. У них есть власть убивать Муаммара Каддафи и заключать в тюрьму Гбагбо, но не наркобаронов и педокриминальных маркизов? За пределами границ элиты извращения сплачиваются, но народы цепляются за свои разделения...

Может возникнуть ощущение, что функционирование нашего общества основано на случайности заслуг. Но для элит, которые выбирают нас, продвигают или наказывают, нет никакой случайности. Они планируют судьбы людей. Случайность или заслуги для нас, организация и системные эффек-

ты для них. Для этой аристократии я представляю собой прототип разочаровывающего, но поучительного проекта. Он позаботится не повторять свою ошибку и уничтожить следы.

Если ложь может уничтожить людей; она также может разрушить страны...

Символически вручая мне ключи от своего города, парламентарии города Детройт в Мичигане помогли разоблачить подозрительное лицо наших элит. Как и другие американцы сегодня пытаются снять голливудский защитный покров с этих гнусных сетей, имеющих международные разветвления. Поднимая замшелый камень, под которым копошатся Джеффри Эпштейн, Гислейн Максвелл, Хантер Байден и другие Пафф Дэдди. Рациональность требует, чтобы такие усилия выходили за пределы границ. Гордится ли Франция внутри своего пространства подобной чисткой? Или же и там нужно вообразить вмешательство международной юрисдикции, чтобы покончить с этим? Исправительного превосходства, чтобы прочитать нам лекцию? Ибо ни один Прокурор Республики не возбудил судебного преследования после исповеди покойного Пьера Роша. Покаяние отлично работает в Италии против мафии. Но у нас ни одна подобная структура не предлагала принять этого извращенца, чтобы избавить его от «самоубийства»; чтобы использовать его знания. Оставалось только, чтобы его собственные дети, Шарль Луи Рош и его сестра Диана, взяли на себя смелость раскрыть своё болезненное наследство. Двое детей против всех Про-

куроров Франции, которые юридически находятся в подчинении министра юстиции; политической власти.

США предложили мне убежище; отъезд, на который я, впрочем, так и не решился. Убежище для маленького французского судьи, борющегося против своей судебной системы, замешанной в функционировании педокриминальной сети милой Франции... Убежище и эти несколько недвусмысленных слов, чтобы изгнать из нашей страны варварства, которые она скрывает под видом социального прогресса. Варварство, навязываемое детству, среди прочих жестокостей, которые укрывают наши институты. Ибо ясно, что если кто-то склонен к такой жестокости по отношению к детям, уже отмеченным семейным несчастьем, то никакого тормоза для остального не может быть. Зная эту институциональную извращённость, как мои соотечественники могут чувствовать себя в безопасности?

«После получения диплома Национальной школы магистратуры судья Юржэн выбрал должность судьи по делам несовершеннолетних в Дьеппе. Там, в нарушение действующих французских законов, администрация Службы социальной помощи детству (ASE) проводила политику разделения семей обездоленных родителей. Администрация также отказывалась предоставлять информацию о прогрессе детей, находящихся под её опекой, позволяя тем самым подвергать их жестокому обращению. Судья Юржэн сопротивлялся этой политике. Он пытался сохранить семьи бедня-

ков вместе и отказывался передавать их детей администрации, предпочитая возвращать их в частные структуры. За эти действия французская судебная система попыталась его уволить; и, принимая во внимание, что позиция судьи Юржэна в защиту прав детей вызвала против него расистскую кампанию со стороны фашистских элементов французского правительства. Французские судьи, игнорируя потребности детей и преследования судьи Юржэна, активизировали кампанию, отстранив его от работы. Итак, да будет так.

Мы, муниципальный совет Детройта, приветствуем судью Жан-Пьера Юржэна в городе Детройте. Мы ценим ваши постоянные усилия, перед лицом расизма, по побуждению французского правительства уважать права и качество жизни детей».

Я помню автобусы города Дьеппа, несущие большие синие плакаты, сделанные из рисунков детей, несправедливо оторванных от близких и подвергавшихся жестокому обращению в учреждениях, управляемых государством, на которых были написаны эти слова: «Дети без семей, украденное детство!». Плакаты, остававшиеся благодаря помощи мэра Кристиана Кювиле, видимые дьеппцами в течение двух недель. Слова, которые, не будучи революционными, дорого обошлись нам обоим.

Гордость во взглядах этих израненных детей, когда они видели, как их работы проезжают на муниципальных автобусах, стоила этого. Это было так прекрасно — видеть, как они

незаметно выпрямляются под дождём или на холоде автобусных остановок, когда шли в город и видели один из них...

Красота нетленности невинности. Несмотря на скорбь.

Профессор Американского Университета Джудит Райсман проделала работу в своей стране. Эмоции, которые она вызвала у американском населения, безусловно, сыграли решающую роль в падении дома Эпштейна и его зависимостей. Но пошла ли его французская усадьба по той же кривой? Все эти скандалы, которые гремели в нашей стране задолго до того, как Джефффри пришёл к власти, не дали никаких результатов. Скандал с элитой, очень журналистский, по адресу 97, rue du Vas в VII округе Парижа, где в 70-80-х годах насиловали и пытали в компании совсем маленьких детей? Адрес, питаемый ассоциацией La Famille Adoptive Française (Французская Приемная Семья), которая собирала брошенных детей... «Бордель для педофилов» рядом с площадью Клиши, XVIII округ Парижа, о котором говорил Фредерик Миттеран, любитель молодёжи и племянник президента? Дым без огня или оправданные в силу судебной давности. Авторитетные круги знают этот «совершенно официальный особняк, где наши послевоенные правительства чествовали своих высокопоставленных гостей, падких до свежего мяса, — бордель с детьми, изъятыми из государственного приюта, на время вечера, перед тем как вернуть их в приёмные семьи, чаще всего крестьянские, которые заставляли их вкалывать всю неделю. В хлеву на неделе, у педофи-

ла на выходных!» (Faits et Documents «Молодёжь, образование и сексуальность в Макронии»). Сети мадам Клод, главной сутенёрши Республики, были очень активны в годы де Голля. Так называемое дело Coral, места размещения детей в трудной ситуации, которое предвещало множество других подобных дел, неразрешённых по той же схеме официального удушения? 18 ноября 1982 года газета Le Monde известила население: «Однажды утром в июле 1977 года десятилетний мальчик Марк, воспитанник Coral, был найден мёртвым с головой, погружённой в ведро с хлорной водой. Жан-дармы немедленно взяли показания у воспитателей и присутствовавших детей. Г-н Сигала и его жена были в отпуске в Италии. Г-н Миньякка, соруководитель центра, также отсутствовал. Показания совпадали: это был несчастный случай. Но было возбуждено следствие. Следователь потребовал медицинской экспертизы. Она доказала, что ребёнок не утонул, а у него были сломаны шейные позвонки и он был подвергнут содомии». В итоге: ничего.

Это усадьба или же материнский дом? Несомненно, вместе с Лондоном — один из нервных центров.

Документальная работа журналистки Анны Равикс, её коллеги Сержа Гарда. Работа режиссёра Сильви Мейер. Борьба Карла Зеро; на протяжении десятилетий. Список документальных фильмов «Один за всех» этих разрушенных детей длинен. Файл позора Зандвоорт, который содержит тысячи фотографий замученных несовершеннолетних, стёр-

той юности. Ничего не помогает! Всегда кто-то за микрофоном сеет сомнение, которое идёт на пользу преступлению. Фильм Карла «1 из 5» вызвал некоторый резонанс, но не привёл ни к одному значимому осуждению. Ни одной отставки официальных лиц, ответственных за детей Франции, которые могли бы быть признаны, по крайней мере, некомпетентными. Возможно, отстранение судьи... Если повезёт, коррумпированного судьи. Не стоит ждать перемен от национального разоблачения. Наживающиеся СМИ этого не хотят. Как и судебная иерархия, они защищают торговлю ради наживы. Молчание навязывается через субсидируемые экраны, под управлением контрольной башни — Французского агентства печати, которое направляет общественное мнение. Именно эта логика запрещает камеры на судебных заседаниях, поскольку процессы уже идут в эфире, где их контроль полный. Согласие с приговорами формируется на телевизионных студиях, колонизированных «неправильными» экспертами по праву, которые умеют гладить аплодимер по шерсти. И можно успешно доводить до самоубийства Брюнелей и всех сборщиков детских колясок во Франции, на радость Эпштейнам и иже с ними, не вызывая этим эмоций у наших трёхцветных вещателей и издателей.

Основное из того, что я здесь говорю, я уже тогда говорил официальным каналам. Очень подробно, поименно и на самом высоком уровне. Единственным откликом было удушение. Ни свидетельства жертв, иногда ценой их жизни. Ни об-

наружение изувеченных тел детей, подтверждающих разоблачения. Ни убийства жандармов и судей, раскрывающие институциональную причастность. Ни массовые народные марши. Ничто не остановило организованную педопреступность во Франции. Ничто не изменится, если не произойдёт счастливого стечения обстоятельств. Как не испытывать патристического стыда, когда видишь, что педокриминал находит в нашей стране убежище? То, что я живу со своей семьёй внутри тех же границ, что и преступные сети, которые я разоблачал, и которые, к тому же, имеют в своём распоряжении средства государства.

Борьба, которую мы ведём, необычайно интенсивна. И мужество этих маленьких клеток освещало моё сердце тысячи раз ярче, чем тень, отбрасываемая нашими противниками. Я знаю, что некоторым из них удалось спастись. Те, кто выжил, сегодня уже взрослые. Я вас не забыл!

Нельзя столкнуться с этими темами, которые радикально ставят под вопрос совесть, делая это вне духовного измерения. Впрочем, вопрос не в том, верим ли мы в злонамеренную теологию, а в том, чтобы понять, что наши лидеры верят в неё до такой степени, что служат ей. Природа этих ужасных ситуаций неизменно отсылает к географической и даже универсальной среде, которая позволяет им происходить.

Чтобы выжить в смертельной конфронтации, нужно сражаться не за простое выживание, а находиться за его пределами; в том, ради чего стоит жить. Именно сознание да-

ёт доступ к полноте жизненной способности. Ибо сознание — это не только средоточие эмпатии и этики, это ещё более фундаментально средоточие человеческого существования. Мы черпаем в нём нашу энергию. Столкновение с экстремальными рисками подталкивает к духовному самоанализу. Сражаться под взглядом совести — значит находить в ней лучшего советчика для правильного расчёта риска. Если возможно подняться на уровень опасности, то нужно встать на этот уровень. Желание защитить себя ценой своей души не даёт никакой релевантности в такой борьбе; значит, не воплотить своё предназначение и свою душу, чтобы в конце концов потерпеть поражение. Оставаться в режиме выживания — значит приглашать страх, который предвещает поражения. Сражаться за жизнь, а не за своё выживание — значит выбирать лучшую версию себя. Это реальность настолько несовместимая с коллективным бессознательным, сформированным министерством правды, что нужно пережить этот опыт, чтобы убедиться в его правоте. Когда живёшь в страхе смерти, живёшь плохо, но не обязательно дольше. Кстати, какова оптимальная продолжительность? Бывает ли земная жизнь той длины, которую ожидаешь? Даже для самоубийцы, осуществляет ли он свою свободную волю или скорее следует решению истощения? Шекспир говорил: «То, чего нельзя избежать, нужно обнять». Бывают ситуации, которые ставят совесть под вопрос. Нужно обнять то, что совесть делает неизбежным, благодаря доверию к нашему жиз-

ненному происхождению. Победа злобы никогда не неизбежна. Есть выборы, которые касаются существования, за пределами земного пути. Удивительно короткого пути. Едва осознаёшь, что находишься в нём, как он уже закрывается. Такой короткий, что можно подумать, он существует только для того, чтобы дать доступ к этому выбору. Два вдоха в скобках, где старик никогда не забывает младенца, которым он был ещё вчера, на руках у матери. Выборы, где ты один на один с собой; а когда ты один на один с собой, ты один на один со Всем, с существованием. Точка зрения, которой достигаешь, усиливает жизнь, направляя её к центральному пути, который позволяет не упустить шанс существовать с пользой. Говорить о свете этих израненных детей — это не литература. Я чувствую себя в долгу. Ибо жизненная сила, которая находится в этой борьбе, углубляет навсегда собственную связь с космосом.

Даже не нужно сталкиваться с какой-либо радикальной злонамеренностью, чтобы сделать выбор в пользу своей жизненной полезности. В альтернативах, которые ставит перед нами современная жизнь, каждый день даёт каждому шанс углубить эту связь, выбирая сознание. Сознание, а не иллюзию комфорта, которую даёт полвека безумного потребления. Иллюзию также для всех тех, кто, не имея доступа к этому безумию, из-за горечи ошибается в гневе. Товарищи по нищете, которых собрали отвергнутые кварталы. Те, кто мог бы подумать, что, объединившись тактически с против-

никами универсального порядка, они смогут извлечь из этого что-то позитивное для себя, что ускользнёт от их увядающих хозяев. Мы хорошо знаем, что только сегодня, когда у них одно колено на земле, они вспоминают о нас. Фашисты и извращенцы... даже с очень длинной ложкой: я не для этого. Хаос лжецов справа, претендующих на вершину человеческой иерархии, как и хаос суперлжецов слева, утверждающих, что борются с ней, но все согласны сделать иммиграцию неконтролируемой. Этот хаос увлекает всех в расточительство жизни. Ложь против лжи не равна реальности. Избирательная тактика мало что стоит перед лицом жизненной стратегии вселенной.

Отрицание человека, отрицание женственности и отрицание детства — это психотическое выражение воли всех господ, которых несёт эта планета. Они антропофаги, ибо питаются, по суеверию, человеческой энергией, верованиями, восходящими к пещерному веку. Это основополагающая линия их доктрины. Парадигма господства — это отрицание жизни Другого; отрицание инаковости. Существование — это целостность, чья консистенция отражается присутствием Другого. Культурная логика господствующего — уничтожить всякий след сознания. Кстати, разве всякое обесценивание жизни не есть само по себе отрицание сакральности вселенной? Вселенная — это собор.

Жизненная сила вселенной доказывает свою природу нашим существованием, и это идея небытия, существование

которой ничем не доказано, испаряется. Вселенная конкретна, небытие — лишь воображаемо. Человеческое воображение ограничено, воображение Космоса огромно. Вселенная благоприятствует жизни, а не созданию пустоты и ничего. Быть рациональным — значит понимать, что любая инверсия этой реальности никогда не будет обладать мощью Космоса. Никакая глубина не может выйти победителем из конфронтации с этой очевидностью. Противостоящие силы не равноценны. Сомнение здесь — лишь культурное расстройство; бессознательное верование.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.